

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 6 (1117).

Суббота, 3 февраля 1945 г.

Цена 45 коп.

1 стр. За неделю. В дни годовщины освобождения Ленинграда от блокады. Партизанский фольклор. Информация. Книги о Сталинграде. Новые фильмы. Репинский том «Художественного наследства». По Советской стране.

Выступления Н. Погодина, Вс. Вишневского, Вл. Соколовцева, И. Штока, Ю. Юзовского и Н. Тихонова на совещании в Союзе советских писателей СССР. 4 стр. А. Бруштейн. «Без вины виноватые». Вера Кетлинская. Это и есть Ленинград! В Союзе советских писателей СССР. Москва в жизни и творчестве Пушкина. Новосибирский альманах. Информация. Литературные радиопередачи. В несколько строк. Новые книги. За рубежом.

ЗАДАЧИ ДРАМАТУРГИИ

В условиях Великой отечественной войны наша драматургия стремилась средствами своего искусства активно участвовать в обороне родины, в общенародной борьбе с ненавистным германским фашизмом.

Ряд пьес и сценариев, появившихся на первом этапе войны, сыграл значительную роль в нашем театре и кино. К числу таких пьес относятся «Нашествие» Л. деюнова, «Русские люди» Б. Симонова, «Фронт» А. Корнейчука. Идеино-политическое значение этих пьес трудно переоценить, а своевременность их создания должна быть поставлена в основу заслуги авторов.

Но шло время, огромные исторические события сменяли друг друга, победоносный советский народ военные и хозяйственные задачи, и перед писателями-драматургами, как и перед всей нашей литературой, неминуемо должны были возникнуть новые сложные творческие задачи.

Наша драматургия имеет все возможности решить эти задачи. У нас есть талантливые драматурги, есть опыт — идейно-художественный, профессиональный, накопленный за годы развития советской драматургии и театра, есть огромная сеть театров, труппы, относящихся ко всему новому в искусстве, и, самое главное, современная действительность, героические подвиги советских людей на полях войны и в труде дают нашим драматургам материал истинно поэтический.

Но современность нашими драматургами отражена подчас весьма узко, приблизительно, а главное — пьесам недостает глубины мысли и чувств, они не передают нового исторического этапа жизни и сознания советского общества.

Каковы наиболее характерные недостатки нашей драматургии?

Часто автор, стремясь откликнуться на то или иное историческое событие, именно самое событие делает главным героем своего произведения, а не людей, участников события. Такая «событийная» драматургия, лишняя глубоким характером, психологическим раскрытием поведения героев, неизбежно сбивается на фактографию. Упрощенное и прямолинейное представление о теме мешает автору глубоко и правдиво раскрыть природу того или иного события, создать произведение, где ощущалась бы дух времени. Между тем подлинная задача драматурга, конечно, заключается в изображении замечательных людей нашей действительности, в раскрытии тех морально-психологических качеств советского человека, которые определили победоносный для нас исход войны.

Другая крайность — подчеркивание «камерности» некоторых пьес. Действие в них происходит в наши дни, среди персонажей присутствуют и герои-фронтовики, и труженики советского тыла, отдельные советские люди. Но переживания персонажей этих пьес обречены, внутренний мир их малозначителен, иногда даже мелок, а чувства случайны. Подчас в такой пьесе на сцену очень робко, издалека доносится то или иное отзвуки военных событий, но он тонет в атмосфере лирической.

Между тем даже любовь, казалось бы, частная тема нашей современности предоставляет драматургу обширные возможности выразить общественную, социальную, патристическую природу героя нашего времени, передать деятельную, активную силу его патристических чувств. Герои нашего времени чужды индифферентности, и потому эти так называемые «камерные» пьесы не дают зрителю истинного образа современника.

Недостатки и в художественном и в идейном отношении некоторые драматурги возрождают на сцене дотоновых героев, всякого рода «странных» людей, «бывалых солдатиков», должностных, по мысли авторов, передают особую природу героя советских людей. Все эти «бывалые солдатиков», переходящие из

пьесы в пьесу, не только ничего общего не имеют с реальными героями современности, но являются извращением образа современника. Характерно, что «бывалые солдатиков» и прочие герои из числа «странных» людей очень часто и совсем недружественно раскрываются по ходу действия как явные носители всякого рода собственнических инстинктов.

Героем нашей драматургии должен быть реальный советский человек, человек, воспитанный советским строем жизни. Этот человек — деятельный участник жизни, и потому в характере его, во всем его духовном облике есть множество ярким, подлинно поэтических черт. Качественная определенность героя нашего времени, поэтическая выразительность его характеры делает тем более недопустимой подмену реального героя надуманным, ложным.

Решающее условие роста современной драматургии — идейно-политическое и художественное воспитание кадров драматургов. Им доверено особо ответственное оружие — сцена. Это обязывает наших драматургов к выскательности в труде, требует историчности всех ремесленных навыков, для того чтобы современная драматургия могла прямо и смело разговаривать с современниками великой эпохи.

Мастерство драматурга — явление многогранное и тонкое. В частности, огромное значение для нашей драматургии имеет проблема языка. Бесцветный и неряшливый язык многих пьес заставляет напоминать о том, что драматургия неотделима не только от театра, но и от литературы.

Слово до сих пор сплошь и рядом рассматривается нашими драматургами и театрами, как второстепенная категория. Небрежность автора к языку своих персонажей порождает такую же небрежность и своеволие театра в обращении с текстом пьесы.

Здесь еще и еще раз мы должны вспомнить и упрек, и завет А. М. Горького. «Обшир и печальный пороком нашей молодой драматургии является прежде всего бедность языка авторов, его сухость, бесцветность, бедность. Все фигуры пьес говорят одним и тем же строем фраз и неграмотно улавливают однообразием простоты, зашоренностью слов, что совершенно не совпадает с нашей бурной действительностью, с тем напряжением творческих сил, в котором живет страна и которое не может не отражаться и в области словотворчества. Подлое и вредное или честное социальное ценное дело перешагивает на сцене театра в скучный шум бесцветных небрежно связанных слов» («О пьесах»).

Проблема слова в драматургии — проблема не только художественная, но и политическая. Драматурги, которые думают только о том, что говорят их герои, не придавая значения тому, как они говорят, — часто превращают «честное социальное ценное дело» в «скучный шум» небрежно связанных слов.

Немало значение для успешного роста нашей драматургии имеет и организационная сторона дела.

Уреждения, руководящие театры, должны подчас излившие, мелочной опеке творческой замысел драматурга, готовящаяся постановка и, не существуя, связывают этим ответственность и автора и театра.

Вера в успех творческих исканий драматурга или режиссера приводит к известной либеральности театральным учреждениям.

Прошедшее совещание драматургов в Союзе советских писателей явилось первым за годы войны большим творческим разговором советских драматургов. Оно свидетельствует о том, что наши драматурги остро ощущают ответственность за свой труд и далеко не удовлетворены сегодняшними результатами своей работы.

На уровень величайших событий, переживаемых советским народом, должна подняться наша драматургия, глубокой мыслью, пламенным словом она должна участвовать в морально-политическом разгроме фашизма, в победном утверждении великих идеалов учения Ленина — Сталина.

В главной роли капитана Сабурова снимался артист театра Ленинского комсомола В. Соловьев. Роль медсестры Анн исполнил артистка А. Дзисельская.

Вчера в Комитете по делам кинематографии состоялся просмотр фильма «Родные поля», поставленного в киностудии Мосфильм режиссерами Б. Бабочкиным и А. Боксуевым по сценарию М. Шава.

Фильм рассказывает о жизни людей колхозной деревни Быковки в дни Отечественной войны. Центральную роль председателя колхоза Выборова исполняет постановщик фильма Б. Бабочкин. Фильм снимал оператор А. Сигаев. Художник — А. Боксуев. Для фильма записано несколько русских народных песен в исполнении хора под управлением А. Тихомирова.

За неделю

В ДНИ ГОДОВЩИНЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ ЛЕНИНГРАДА ОТ БЛОКАДЫ

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). «Ленинград в Великой отечественной войне» — так называется богатейшая коллекция, собранная в Государственной публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина. 27 января она пополнилась новыми материалами, связанными с героической борьбой за освобождение от вражеской блокады и награждением города орденом Ленина.

За годы войны библиотекой собрано 51940 экспонатов — книги, брошюры, журналы и плакаты, фотографии и открытки, афиши и листовки, юбки и продовольственные карточки. Здесь хранится все, что написано в Ленинграде и о Ленинграде, поборники материалы о ленинградской промышленности, о научной и культурной жизни города, о женщинах и молодежи Ленинграда, произведений ленинградских поэтов и прозаиков. Больше всего отведено боевым действиям в район Ленинградского фронта, Краснознаменному Балтийскому флоту, партизанам и местной противовоздушной обороне.

По материалам коллекции можно проследить всю историю героической эпопеи, начиная с номера «Ленинградской правды», в котором была опубликована речь тов. В. М. Молотова от 22 июня 1941 года, до указа Президиума Верховного Совета СССР о награждении Ленинграда орденом Ленина.

Сотрудники Публичной библиотеки собирают огромный библиографический материал. Готовится к печати библиографический указатель литературы, изданной в годы войны о Ленинграде. Его выпускает Ленинградское отделение Гослитиздата. Объем книги около 15 печатных листов.

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). В Доме писателей им. Маяковского состоялся вечер, посвященный годовщине освобождения от блокады Ленинграда и награждению города орденом Ленина.

С докладом «Великая победа под Ленинградом» выступил В. Саянов. В. Кетлинская прочла отрывки из своего нового романа «В осаде». Поэты Е. Рывина и В. Шерер прочли новые стихотворения.

«Образ героя нашего времени по роману Николая Островского» — этой теме было посвящено открытое комсомольское собрание Московского ордена Трудового Красного Знамени комбината твердых сплавов. К этому собранию готовились тщательно, с интересом и любовью; был избран специальный «штаб» по подготовке обсуждения. Комсомольцы поужинали с сотрудниками Музея им. Н. Островского, которые оказали им большую помощь.

Интересен выбор тем докладов, прочитанных на собрании: «Безумству храбрых поем мы песню», «О любви и дружбе», «Труд — гражданский долг», «Герой нашего времени», «Так закалялась сталь» и др.

Все выступления свидетельствуют об исключительной жизненной силе героев

Островского, комсомольцы говорят о писателе, как о живом нашем современнике и близком друге.

После выступления жены писателя Р. Островской комсомольцы решают объявить соревнование между бригадами на право носить имя Николая Островского.

Конференция приняла обращение к писателям Советского Союза.

«Задача нашей литературы», — говорится в этом обращении, — показать героя нашего времени, у которого мы могли бы учиться, который служил бы нам примером. Создайте образ героя с его мечтами и надеждами, ошибками и удачами, с его любовью и ненавистью.

Наш любимый герой Павел Корчагин будет рад видеть возле себя новых боевых товарищей.

Павел Корчагин — герой наших дней

Островского, комсомольцы говорят о писателе, как о живом нашем современнике и близком друге.

После выступления жены писателя Р. Островской комсомольцы решают объявить соревнование между бригадами на право носить имя Николая Островского.

Конференция приняла обращение к писателям Советского Союза.

«Задача нашей литературы», — говорится в этом обращении, — показать героя нашего времени, у которого мы могли бы учиться, который служил бы нам примером. Создайте образ героя с его мечтами и надеждами, ошибками и удачами, с его любовью и ненавистью.

Наш любимый герой Павел Корчагин будет рад видеть возле себя новых боевых товарищей.

Павел Корчагин — герой наших дней

Островского, комсомольцы говорят о писателе, как о живом нашем современнике и близком друге.

После выступления жены писателя Р. Островской комсомольцы решают объявить соревнование между бригадами на право носить имя Николая Островского.

Конференция приняла обращение к писателям Советского Союза.

«Задача нашей литературы», — говорится в этом обращении, — показать героя нашего времени, у которого мы могли бы учиться, который служил бы нам примером. Создайте образ героя с его мечтами и надеждами, ошибками и удачами, с его любовью и ненавистью.

Наш любимый герой Павел Корчагин будет рад видеть возле себя новых боевых товарищей.

Павел Корчагин — герой наших дней

Островского, комсомольцы говорят о писателе, как о живом нашем современнике и близком друге.

После выступления жены писателя Р. Островской комсомольцы решают объявить соревнование между бригадами на право носить имя Николая Островского.

Конференция приняла обращение к писателям Советского Союза.

«Задача нашей литературы», — говорится в этом обращении, — показать героя нашего времени, у которого мы могли бы учиться, который служил бы нам примером. Создайте образ героя с его мечтами и надеждами, ошибками и удачами, с его любовью и ненавистью.

Наш любимый герой Павел Корчагин будет рад видеть возле себя новых боевых товарищей.

Павел Корчагин — герой наших дней

Островского, комсомольцы говорят о писателе, как о живом нашем современнике и близком друге.

После выступления жены писателя Р. Островской комсомольцы решают объявить соревнование между бригадами на право носить имя Николая Островского.

Конференция приняла обращение к писателям Советского Союза.

«Задача нашей литературы», — говорится в этом обращении, — показать героя нашего времени, у которого мы могли бы учиться, который служил бы нам примером. Создайте образ героя с его мечтами и надеждами, ошибками и удачами, с его любовью и ненавистью.

Наш любимый герой Павел Корчагин будет рад видеть возле себя новых боевых товарищей.

Павел Корчагин — герой наших дней

Островского, комсомольцы говорят о писателе, как о живом нашем современнике и близком друге.

После выступления жены писателя Р. Островской комсомольцы решают объявить соревнование между бригадами на право носить имя Николая Островского.

Конференция приняла обращение к писателям Советского Союза.

«Задача нашей литературы», — говорится в этом обращении, — показать героя нашего времени, у которого мы могли бы учиться, который служил бы нам примером. Создайте образ героя с его мечтами и надеждами, ошибками и удачами, с его любовью и ненавистью.

Наш любимый герой Павел Корчагин будет рад видеть возле себя новых боевых товарищей.

Павел Корчагин — герой наших дней

Островского, комсомольцы говорят о писателе, как о живом нашем современнике и близком друге.

После выступления жены писателя Р. Островской комсомольцы решают объявить соревнование между бригадами на право носить имя Николая Островского.

Конференция приняла обращение к писателям Советского Союза.

«Задача нашей литературы», — говорится в этом обращении, — показать героя нашего времени, у которого мы могли бы учиться, который служил бы нам примером. Создайте образ героя с его мечтами и надеждами, ошибками и удачами, с его любовью и ненавистью.

Наш любимый герой Павел Корчагин будет рад видеть возле себя новых боевых товарищей.

Павел Корчагин — герой наших дней

Островского, комсомольцы говорят о писателе, как о живом нашем современнике и близком друге.

После выступления жены писателя Р. Островской комсомольцы решают объявить соревнование между бригадами на право носить имя Николая Островского.

Конференция приняла обращение к писателям Советского Союза.

«Задача нашей литературы», — говорится в этом обращении, — показать героя нашего времени, у которого мы могли бы учиться, который служил бы нам примером. Создайте образ героя с его мечтами и надеждами, ошибками и удачами, с его любовью и ненавистью.

Наш любимый герой Павел Корчагин будет рад видеть возле себя новых боевых товарищей.

Павел Корчагин — герой наших дней

Островского, комсомольцы говорят о писателе, как о живом нашем современнике и близком друге.

После выступления жены писателя Р. Островской комсомольцы решают объявить соревнование между бригадами на право носить имя Николая Островского.

Конференция приняла обращение к писателям Советского Союза.

«Задача нашей литературы», — говорится в этом обращении, — показать героя нашего времени, у которого мы могли бы учиться, который служил бы нам примером. Создайте образ героя с его мечтами и надеждами, ошибками и удачами, с его любовью и ненавистью.

Наш любимый герой Павел Корчагин будет рад видеть возле себя новых боевых товарищей.

Павел Корчагин — герой наших дней

Островского, комсомольцы говорят о писателе, как о живом нашем современнике и близком друге.

После выступления жены писателя Р. Островской комсомольцы решают объявить соревнование между бригадами на право носить имя Николая Островского.

Конференция приняла обращение к писателям Советского Союза.

«Задача нашей литературы», — говорится в этом обращении, — показать героя нашего времени, у которого мы могли бы учиться, который служил бы нам примером. Создайте образ героя с его мечтами и надеждами, ошибками и удачами, с его любовью и ненавистью.

Наш любимый герой Павел Корчагин будет рад видеть возле себя новых боевых товарищей.

Павел Корчагин — герой наших дней

Островского, комсомольцы говорят о писателе, как о живом нашем современнике и близком друге.

После выступления жены писателя Р. Островской комсомольцы решают объявить соревнование между бригадами на право носить имя Николая Островского.

Конференция приняла обращение к писателям Советского Союза.

«Задача нашей литературы», — говорится в этом обращении, — показать героя нашего времени, у которого мы могли бы учиться, который служил бы нам примером. Создайте образ героя с его мечтами и надеждами, ошибками и удачами, с его любовью и ненавистью.

ПАВЕЛ КОРЧАГИН — ГЕРОЙ НАШИХ ДНЕЙ

Островского, комсомольцы говорят о писателе, как о живом нашем современнике и близком друге.

После выступления жены писателя Р. Островской комсомольцы решают объявить соревнование между бригадами на право носить имя Николая Островского.

Конференция приняла обращение к писателям Советского Союза.

«Задача нашей литературы», — говорится в этом обращении, — показать героя нашего времени, у которого мы могли бы учиться, который служил бы нам примером. Создайте образ героя с его мечтами и надеждами, ошибками и удачами, с его любовью и ненавистью.

Наш любимый герой Павел Корчагин будет рад видеть возле себя новых боевых товарищей.

Павел Корчагин — герой наших дней

Островского, комсомольцы говорят о писателе, как о живом нашем современнике и близком друге.

После выступления жены писателя Р. Островской комсомольцы решают объявить соревнование между бригадами на право носить имя Николая Островского.

Конференция приняла обращение к писателям Советского Союза.

«Задача нашей литературы», — говорится в этом обращении, — показать героя нашего времени, у которого мы могли бы учиться, который служил бы нам примером. Создайте образ героя с его мечтами и надеждами, ошибками и удачами, с его любовью и ненавистью.

Наш любимый герой Павел Корчагин будет рад видеть возле себя новых боевых товарищей.

Павел Корчагин — герой наших дней

Островского, комсомольцы говорят о писателе, как о живом нашем современнике и близком друге.

После выступления жены писателя Р. Островской комсомольцы решают объявить соревнование между бригадами на право носить имя Николая Островского.

Конференция приняла обращение к писателям Советского Союза.

«Задача нашей литературы», — говорится в этом обращении, — показать героя нашего времени, у которого мы могли бы учиться, который служил бы нам примером. Создайте образ героя с его мечтами и надеждами, ошибками и удачами, с его любовью и ненавистью.

Наш любимый герой Павел Корчагин будет рад видеть возле себя новых боевых товарищей.

Павел Корчагин — герой наших дней

Островского, комсомольцы говорят о писателе, как о живом нашем современнике и близком друге.

После выступления жены писателя Р. Островской комсомольцы решают объявить соревнование между бригадами на право носить имя Николая Островского.

Конференция приняла обращение к писателям Советского Союза.

«Задача нашей литературы», — говорится в этом обращении, — показать героя нашего времени, у которого мы могли бы учиться, который служил бы нам примером. Создайте образ героя с его мечтами и надеждами, ошибками и удачами, с его любовью и ненавистью.

Наш любимый герой Павел Корчагин будет рад видеть возле себя новых боевых товарищей.

Павел Корчагин — герой наших дней

Островского, комсомольцы говорят о писателе, как о живом нашем современнике и близком друге.

После выступления жены писателя Р. Островской комсомольцы решают объявить соревнование между бригадами на право носить имя Николая Островского.

Конференция приняла обращение к писателям Советского Союза.

«Задача нашей литературы», — говорится в этом обращении, — показать героя нашего времени, у которого мы могли бы учиться, который служил бы нам примером. Создайте образ героя с его мечтами и надеждами, ошибками и удачами, с его любовью и ненавистью.

Наш любимый герой Павел Корчагин будет рад видеть возле себя новых боевых товарищей.

Павел Корчагин — герой наших дней

Островского, комсомольцы говорят о писателе, как о живом нашем современнике и близком друге.

После выступления жены писателя Р. Островской комсомольцы решают объявить соревнование между бригадами на право носить имя Николая Островского.

Конференция приняла обращение к писателям Советского Союза.

«Задача нашей литературы», — говорится в этом обращении, — показать героя нашего времени, у которого мы могли бы учиться, который служил бы нам примером. Создайте образ героя с его мечтами и надеждами, ошибками и удачами, с его любовью и ненавистью.

Наш любимый герой Павел Корчагин будет рад видеть возле себя новых боевых товарищей.

Павел Корчагин — герой наших дней

Островского, комсомольцы говорят о писателе, как о живом нашем современнике и близком друге.

После выступления жены писателя Р. Островской комсомольцы решают объявить соревнование между бригадами на право носить имя Николая Островского.

Конференция приняла обращение к писателям Советского Союза.

«Задача нашей литературы», — говорится в этом обращении, — показать героя нашего времени, у которого мы могли бы учиться, который служил бы нам примером. Создайте образ героя с его мечтами и надеждами, ошибками и удачами, с его любовью и ненавистью.

Наш любимый герой Павел Корчагин будет рад видеть возле себя новых боевых товарищей.

Павел Корчагин — герой наших дней

Островского, комсомольцы говорят о писателе, как о живом нашем современнике и близком друге.

После выступления жены писателя Р. Островской комсомольцы решают объявить соревнование между бригадами на право носить имя Николая Островского.

Конференция приняла обращение к писателям Советского Союза.

«Задача нашей литературы», — говорится в этом обращении, — показать героя нашего времени, у которого мы могли бы учиться, который служил бы нам примером. Создайте образ героя с его мечтами и надеждами, ошибками и удачами, с его любовью и ненавистью.

Наш любимый герой Павел Корчагин будет рад видеть возле себя новых боевых товарищей.

Павел Корчагин — герой наших дней

Островского, комсомольцы говорят о писателе, как о живом нашем современнике и близком друге.

После выступления жены писателя Р. Островской комсомольцы решают объявить соревнование между бригадами на право носить имя Николая Островского.

Конференция приняла обращение к писателям Советского Союза.

«Задача нашей литературы», — говорится в этом обращении, — показать героя нашего времени, у которого мы могли бы учиться, который служил бы нам примером. Создайте образ героя с его мечтами и надеждами, ошибками и удачами, с его любовью и ненавистью.

Наш любимый герой Павел Корчагин будет рад видеть возле себя новых боевых товарищей.

Павел Корчагин — герой наших дней

Островского, комсомольцы говорят о писателе, как о живом нашем современнике и близком друге.

После выступления жены писателя Р. Островской комсомольцы решают объявить соревнование между бригадами на право носить имя Николая Островского.

Конференция приняла обращение к писателям Советского Союза.

«Задача нашей литературы», — говорится в этом обращении, — показать героя нашего времени, у которого мы могли бы учиться, который служил бы нам примером. Создайте образ героя с его мечтами и надеждами, ошибками и удачами, с его любовью и ненавистью.

Наш любимый герой Павел Корчагин будет рад видеть возле себя новых боевых товарищей.

Павел Корчагин — герой наших дней

Островского, комсомольцы говорят о писателе, как о живом нашем современнике и близком друге.

После выступления жены писателя Р. Островской комсомольцы решают объявить соревнование между бригадами на право носить имя Николая Островского.

Конференция приняла обращение к писателям Советского Союза.

«Задача нашей литературы», — говорится в этом обращении, — показать героя нашего времени, у которого мы могли бы учиться, который служил бы нам пример

НА БОРОДИНСКОМ ПОЛЕ

Удивительная история

Есть слухи за литературными талантами по критике, то можно подхватить, что Вс. Иванов во время войны познакомил читателей нашей художественной словесности.

Но это же неверно! Как и всегда на всем протяжении своей писательской жизни, Вс. Иванов неутомимо работает, Молчит, пишет, не писателем. Последняя книга его «На Бородинском поле» говорит о ровном сиянии таланта. Понятно, книгу уже нет в продаже, разошлась по кружкам читателей, а для живых людей, разрабатывая эту тему в литературе, а для одной критической строки о ней не видно в журнале.

В данном случае нас интересует не столько личность критика (хотя и это очень интересно), а тот круг вопросов, которые поставил сборник «На Бородинском поле».

Главный из них — осознание советским человеком своего прошлого, как источника силы в настоящей войне. Самое название сборника указывает на то, что Вс. Иванов, размышляя о современности, оглянулся на поле нашей исторической славы, где русский вооруженный патриотизм подтолкнул победоносному Наполеону. На этом же поле, век с лишним спустя, советский народ поколотил нового, более свирепого и подлого захватчика.

Центр книги, очень пестрой по составу рассказов, лежит в цикле небольших повестей: «Грифон», «Близ Смоленской дороги» и «На Бородинском поле». В центре двух повестей — неслучайно и малый их размер, — это свободный живописный, с любовными проминками в психологию людей начала прошлого столетия воссоздано Бородино двенадцатого года. Понятно, это не широкая картина. Это только кусок ее, но кусок характерный. На первом плане стоят три лица: генерал Тучков, унтер-офицер Марк Карьян и молодой сын его, ополченец Степан Карьян Бородинской битвы. С notevole вниманием смотрит на сына бывший солдат Карьян: к Бородинскому флажку Степан пришел прямо от крестьянского хозяйства, оторвав от милых жен, необремененный, не лаская, Россия, как родина, укажи для него: от плетня до поля родной деревни, от леса до хлеба, где жует свою рожька Буренка. И в деревню. О нем говорит не столько Бородинское поле, в виду неслучайно, под прищелом наполеоновских пушек, которые заремет завтра, кидая ядра в защитников отечества. Он говорит о том, что Буренка пала, «какой это солдат — сокращенно думает Марк Карьян. — Обернулся, что корова съехала! Убыток, верно, большой, да ведь нынче все Рязань требует подпора! На что выдумал жаловаться!»

Ему, старому солдату, ясно, что тын нуждается «в исправлении», и притом немедленно. Солдат идет к Тучкову и просит его, чтобы генерал написал своей жене — не поможет ли генеральша солдатской семье, не прикажет ли выдать ей хоть телушку? И Тучков пишет жене, в душе озабоченный слухом «нажима» желаний солдата накануне сражения: «Бывало, мы какие грубые люди! Запрет — Бородино, в деревню судьба России, судьба наполеоновской Франции, мелеется карта Европы, а он, русский мужик, — о корове! Грифоны какие-то, не люди!»

Честный русский генерал, кровный сын своего класса и среды, пишущий слово Родина с большой буквы, как слово Бог, думает об унтер-офицере Карьяне, как о грифоне.

Унтер-офицер Карьян, в виду родины, тоже понимаемой им, в меру его развития, общирно (он судит об всех коровах, которые лацута на всей нашей земле... и о всех, кто возделывает землю и собирает плоды!), — этот унтер-офицер считает своего сына дурным солдатом. Генерал позарил Карьяну телушку, чтобы тот, от решительного бью за Москву драться, как победит верному сыну отечества. Карьян передо мной своему сыну, чтобы тот был достойным русского солдата в бою.

И вот грянул Бородинский бой. И все трое — блистательный генерал, бывший унтер-офицер и молодой ополченец — вели себя в бою, как верные сыны отечества, — и все трое пали в бою, полегли в одном траверсе, среди французских трупов. Ибо, при всей разнице подхода, понятие родины, говорит Вс. Иванов своей повестью, одинаково доступно и людям серьезным, и людям высоко вознесенным, одинаково дорого и в равной степени подвигает на героическую смерть. Перед лицом врага народ обретает единство. Этим искони было сильно русское государство. Так говорит Вс. Иванов.

А там, двадцать семь лет спустя, Василий Андреевич Жуковский идет на Бородинское поле на празднование годовщины великой битвы, и встречает по дороге старуху, вдову унтер-офицера Карьяна и мать Степана. С искусством, действительно пленительным, поведал об этой старухе Вс. Иванов в своем рассказе «Близ старой Смоленской дороги». Как живую, видишь его старуху с золотым и мудрым сердцем, брользящую среди войск, хохотвей и знамен, среди бегущих колокол и мужичков тел в поисках поля, который отлучил бы «панкижку».

Всеволд Иванов. «На Бородинском поле». «Советский писатель», 1944 г.

по мужу ее и сыну. Знаю, старухе штычок, задыл пушек, тум дьма и пылы и эта тоска смиренного сердца, горестное одиночество и поиски утешения, — все гонят старуху, никому до нее нет дела. С большой чуткостью прочел Вс. Иванов психологию старую, но даже в горе своем легкою человека. По части художества все совершенно в этом небольшом рассказе: пейзаж и толпы людей, и звучание туч и рисунок Василия Андреевича Жуковского, сделанный рукою, искусственной в мастерстве портрета.

Старуха бродит среди знойных полей мирного Бородина, ища утоления своей скорби. «Ей сильно хотелось пить и есть, но все же она чувствовала себя умиротворенно хорошо, свободно, и что-то тихое, кропотливое, неизвестно откуда нахлынувшее, наполняло ее душу. «Вот бы только панкижку, — думала она, — только бы панкижку».

Кроток и вынослив в горе народ русский, — старается доказать этим рассказом Вс. Иванов — он вращает свои душевные рычаги религиозной и церковными образами, загораживаясь ими от тягот и гнетов крепостного права и людских обид. Не зря слово «панкижка» почему-то наполняется старухе сызого, томо вожужегого готью. Вот здесь-то, за высокой художественной формой, проступает подлинная и в корне неверная тема. Этот готюк — символ мирного сожительства всех чередов подлинных. Упоминание о нем — залог государственной силы отечества. Ударит час, прозвонит колокол войны, и лапотники Карьяны, бок о бок с блистательными Тучковскими, поспеют свои ружейные головы на алтарь победы.

И нас ударил. В цикле исторических повестей Вс. Иванова Карьян оживил в длинной истории Отечественной войны. Многие подробности этих повестей. Карьян — наш соотечественник советский лесовод, сын знаменитого тактикостроителя. Он, конечно, прямой потомок солдат Карьяны, следовщик своих голов в 1812 году. Первые две повести написаны ради третьей, названной «На Бородинском поле». В этой повести экспонированы результаты «психологических раскопок» (по счастливому выражению К. Фелина) — тех историко-художественных раскопок, которыми Вс. Иванов с любовью занимался в первых двух повестях, минуя классические антагонизмы того времени.

А ну же ему это было для того, чтобы всего силою своего воображения показать, как нетленно и неуязвимо сохранялись в русском человеке исконные начала патриотизма, как пробуждался он и воспринимал, едва границы нашего государства перешагнул враг. Генерал Тучков бесстрашно оставил свое любимое дело, мужик Карьян бросил хозяйство и корову, ала зарев войны окрасило небо России. Крестьянин-помощник пошел умирать плетом к плечу со своими крепостными. Точно так же в нашем веке воле и революций лесовод Карьян бросил свое любимое дело, обуздав свой неконтролируемый «лесной» характер и пошел битвы с фашистами. Во имя чего? Во имя родины. Изменился ли за это время понятие родины? Согласно повести, нет. Питается ли современное, наше, советское понятие родины новыми традициями, вызванными жизнью Октябрьской революции? По повести судя, нет. Из повести вытекает, что советский народ спит сейчас, тем же единством, какое оживило русских людей 1812 года. Выходит, что патриотизм советского человека, совершенно так же, как и патриотизм доктябрьского русского человека, питается неизменяемыми традициями наших предков и делов. (Многие произведения современной литературы грешат таким пониманием патриотизма).

Перед глазами советских бойцов Бородинского поля, если верить Вс. Иванову, неотступно стоят образы предков, бивших здесь с Наполеоном. Они благоговейно смотрят на поляны, они осеняют их своею славой, они осмысливают их героизм. «Вот стон мы с вами на Бородино, а сколько песен о нем лето!» Сопоставление Бородино 1812 года с Бородином 1941 года проведено Вс. Ивановым глубоко программно, но звучит туманно. Он и сам знает это. «Судьба сражения за Москву, разрывающегося на пространстве

трех тысяч километров, решается не на Бородинском поле, — говорит один из его персонажей. — Там — эпизод. Надо бы, по историческому соотношению Бородинского боя, взять один из узловых моментов современной кампании, скажем, Сталинградскую эпопею. Но это Вс. Иванову не в руки, это не дает ему возможности развить свое понимание преемственности русского патриотизма. Сталинград нечет в себе традиции революционных битв, доходящая история города складывается из точки зрения интересующей Вс. Иванова проблемы. Поэтому писатель останавливается на эпизоде внешней войны, на Бородино. За Бородиним — подлинная история, уже оживленная в своем величии. Пусть Бородино 1812 году по военному своему значению переживает Бородино 1941 года. Это даже хорошо. Потому что современная эпоха, по мнению Вс. Иванова, в гонимости отечественных бедствий обращается не столько к современности, сколько к своему далекому прошлому и иными путями ищет в нем своего родника старозаветного русского патриотизма.

Вс. Иванов пишет о героизме советских людей, минуя историю советского государства, перебрывая революционный тематический материал, тем новыми качествами и тем морально-политической широтой, какие сообщены русскому патриотизму годами становления и побед советского государства, отмечая всех трудовых людей. Это забыто или не принято во внимание. Глаза писателя обращены к священным и «святым», вневременным и неизменным устоям старой русской жизни. Дореволюционная Россия, высстраиваясь по Ленину, марксизму, как единственно правильную революционную теорию, взята Вс. Ивановым вне классовой борьбы. Есть бедные и богатые, генералы и мужики, есть император, есть тяготи бедных людей и несправедливость богатых, но парит над ними синий голубчик классового мира. В ответственности же разрушается классический переотходки, и всех русских людей принимает на крыльях единое чувство любви к родине. Из этого родника любви и надежды пить советскому народу. Таким образом, по смыслу повестей Вс. Иванова раскрывается история не как постоянная смена форм, вечное движение, изменение, но как заповедник начал русского духа, которого не смеет коснуться рука времени.

Конечно, это глубоко неправильно, и в этом кардинальном пункте хочется спорить с художником, столь счастливо владеющим даром пластического письма. Повесть «На Бородинском поле», где Вс. Иванов заимел «раскопки» (в раскопках двух повестей), материал этих раскопок при богатом знании «литературной археологии» и любви к ней позволил писателю создать живописные (но социальное притупленные) картины прошлого. Но едва Вс. Иванов попытался механически перенести отжившие формы в нашу действительность, показать их полную сродность с формами советской жизни, то есть, другими словами, доказать, что ничто не изменилось под луной, и солдат двенадцатого года только сменил кремневое ружье на современный автомат, — едва Вс. Иванов попытался сделать это, как его талант начал есмьститься.

Ведь, чтобы показать все это, пришлось стать на путь реставрации старины. Прежде всего, генерал Карьян пытается делать «лесистам, удивительным человеком», с характером Солонья-рабобинки, то есть, «двуязычным», пришлось выводить его из ряда типичных советских людей. Пришлось заставить его мучиться полюбившей историей отца, в которой, с советской точки зрения, нечего нет дурного и мучиться нечем. Пришлось отгородить его огромным грузом рефлексии и, наконец, историть его лексикой, строй его мыслей, направить его стилем старомодной речи, вовсе не тронувшей живыми изменениями современного языка. В такое же положение поставлено большинство героев, как главных, так и второстепенных. Все они очень мужественны и героичны, но движут этими качествами размышления в таком роде: «Такими разве жаждали в бой della наши». Кт рассказы жалеет истинную музыку прошлого сражения, когда, до сих пор спорт о том, как протекала и изменялась Бородинская бит-

ва? «Читали вы первую книгу Быкина, лейтенант? Нет? Еше прочтите». Красноармейцам невзваны рассуждения: «Один из нас думает, неубоятно, другой набирает поше, но все мы греем в одной лодке, к одному берегу — ведем Русь», «Еше кто-нибудь? Рязань? Вот она какая просторная». «Рязань». «Русь» — все эти старозаветные слова, взятые взаимы у прошлого, чтобы подчеркнуть неизменное соство с ним, вложены в уста крестьян и рабочих, строителей Союза Советских Социалистических Республик! По самому неверному, самый архаичный образ в повести — Настасьяшка, работница с ткацкой фабрики, которая говорит в таком старомодном ладе: «Сожалел, небось, Марк Иваныч, что тайгу да зверей оставил?» Кто в лесу жил, знает: дерево не говорит о звере, и то приывает к тебе. Отходил от него, ветру нет, а оно колыхает машет ветками, ина ветка, приглядясь, роса... «Мне бы — знахаркой... а б тогда смерть, как леса, со следу бьела, меня бы до корней допустить...» И если Настасьяшка, молодая фабричная лесовика, тянется к знатхару, то уже вполне закономерно рассуждение сержанта Воропаева, красноречивого по профессии, о войнах Красной Армии, как о «справедликах».

Нет, в нашем споре с Вс. Ивановым о природе советского патриотизма повесть «На Бородинском поле» положительное играет нам на руку! Так же, как играет на руку рассказ «Слово о полку Игореве», в котором упрямое программное построение сюжета звучит, как голый текст, несмелый на всю красоту многовекового ивановского языка. В этом рассказе сержант Животенков, бывший учитель, в селе, освобожденном от немцев, собирает школьников и рассказывает им о «Слове». И в усталом мозгу его теснятся могучие образы прошлого: «Поле, весенние корчневые, словно подернутые лаком, веточки кустарников, не раставший снег, кони, звенящие удилами, красные штеты, всадники, и впереди них покойли, задумчивый человек — Игорь Святославович, Новгородский сверский князь».

Могучие образы прошлого помогают осознать пути нашего исторического развития. Они вдохновляют, внушают уверенность в силах, в них — гордость нашей страны. Но ребит этого рассказа, покажут, в первую очередь, интересующие родного села. Упомянутое восстановление исторических событий и подкованное невольно приводит к смешению движущих сил нашей действительности.

Вс. Иванов, художник большого сердца, охватывая поля современных титанических битв и ставив их с битвами прошлого, не увидел, что истинные победы были бы немалыми, если бы народ наш не перешагнул порога 1917 года. Родник патриотизма бьет из древних недр русской земли, но поток его стал более могуч и стремителен, получил твердое направление с тех пор, как в него глядится солнце Октября.

Здесь, в споре с Вс. Ивановым, на нашу сторону вновь встает его же рассказы. В сборнике «На Бородинском поле» есть небольшая повесть «К своим». Там действуют советские бойцы, отпавшие немцами и идущие лесами из окружения. Удивительная в своей спокойной силе эта повесть, искренняя и правдивая повесть! Она лишена исторических поз и историзма, она лишена исторического понож и Вс. Иванов, заимав ее, не ездил для раскопок на старинные курганы. Тем более все герои этой повести, действующие в современном дне, имеют далекие и глубокие корни. Видно, из чего выросли их характеры, из какой земли, из каких живых исторических традиций. Вот подлинное советские люди на войне, взятые без прикрас, без мановилов, без умилений: во всей сложности их подлинно советской натуры! Нет нужды переказывать здесь повесть — переказ ее испортит.

Коснувшись в цикле рассказов о Бородинском поле памятником истории Вс. Иванов заложил имя живые силы советской страны. Коснувшись жизни в рассказах «К своим» и «Пять пегел», он воздержался не только советских людей, но и историю их подлинную. На этих путях с Вс. Ивановым не о чем спорить, можно только развиться его сильному дару художника.

Иллюстрация художника В. Миласевского к «Мадам Бовари» Г. Флобера (Послпздат).

Капитан-лейтенант Савич в журнале боевых действий части записал: «Ура! Аэриал вернулся Водки 600, грамм. Шоколаду 4 плитки. Небывалая радость! Удивительная история».

Это краткое и загадочное сообщение расшифровал Лев Успенский в одном из своих рассказов («Скобарь»). Капитан Савич не отвечает за достоверность расшифровки. Мы полагаем, что сам он не менее читателя удивлен рассказом автора.

Скобарь Журавлев незлобно вступил в спор моряков-разведчиков. Согласно рекомендации автора это земляная сила, дешах-печеря, старой закалки мужик, битый, мятый, вареный в семи водах, с тысячами суевей и предрассудков. Разведотряд по особому заданию требуется пелубреть в глубокий тыл противника небольшую группу парашютистов. Журавлев, никогда не приглянувшийся к парашютному обществу с просьбой: «Вели ты, товарищ командир, и мне с тым зонтиком прыгнуть». Несколько поколебавшись, командир все же удовлетворяет его просьбу. Журавлев «своем неупруженном» встает одной ногой на крыло «Элебара», стеною это был не морской бомбардировщик-разведчик, а самая обычная лисовская «бояда» — телега-навозница! Когда прыжок совершился, Журавлев почувствовал себя легко и свободно, точно с детства прыгал с шестиметровой высоты. Конечно, это то удивительно. Но следом за собой увидели и поевреи: пещорен-лешак, такая сила, बेпошибочный инстинкт — все это могло помочь так легко и сразу справиться с парашютом. Мы даже готовы поверить, что командир отряда Савич в данном случае не совершил ничего незаконного, несогласного с воинским уставом, поручив сложное и ответственное задание совсем неопытному человеку, незнакомому с техникой дела. Но чем дальше в лес, тем больше дров! И когда автор заставлял Ивану Журавлева на высоте в 200 метров одной рукой отстегивать парашют, а другой доставать изза плеча старый карабин и убитый извалом немцев, находившихся на земле, а затем, выхватив гранату с метнуть ее в третьего немца, — читатель теряет терпение, и все его усилия поверить автору оказываются тщетными.

Многие удивительных историй рассказывал Успенский в своей небольшой книге рассказов, Старуха, не умеющая обращаться с автоматом, получает из руки раненого бойца аптечку и сбивает из него наповал нескольких немцев («Старуха»).

Политрук Ковалева, раненый пулей в шею, нависая, бьется на руках, стала темной, выхватив гранату, в течение трех суток четыре раз подряд водит людей в глубокий тыл противника и делает каждый раз по сорока километров («Потерянный»).

Молодой летчик-моряк под обаянием взгляды сканирующего рассказывает, как обманул начальство, но вместо госпиталя отправился на фронт. Но в блиндаже, на фронте ему оказалось скучно («Как в пяное для благодарных девиц»), и он сию же лавку ободил начальника, отправляется в разведку. В разведке с ним происходит едва ли не самая «удивительная» история из тех, которые рассказывает Лев Успенский. Возвращаясь с разведки, летчик-мо-

Лев Успенский. Рассказы. Воениздат, 1944 г.

Герценовский том «Литературного архива»

Центральный государственный литературный архив подготавливает к печати очередной том «Литературного архива», посвященный А. И. Герцену и его другу и соратнику Н. П. Огареву. В этом томе войдут ценные неизданные материалы, хранящиеся в Литературном архиве: рукописи обоих писателей, их переписка и документы, касающиеся их жизни и деятельности.

Из бумаг Герцена необходимо отметить отрывок черновой рукописи главы «Осада поха» из «Былого и дум», дающей некоторые варианты по сравнению с печатным текстом, и оригинал одной заметки, написанной анонимно в «Колоколе», — принадлежность этой заметки Герцену до сих пор не была установлена и потому она осталась невключенной в его Полное собрание сочинений, изданное под редакцией М. К. Лемке. Что касается Н. П. Огарева, то его творчество будет представлено несколькими неизданными прозаическими и стихотворными отрывками.

Широко будет представлена в «Литературном архиве» переписка Герцена и Огарева. В архиве имеются неизданные письма Герцена к К. И. Арсеньеву, белгийскому министру юстиции, Д. В. Капкинну, Огареву, Н. А. Огаревой-Тучковой, Кр. Островскому, Е. В. Салмасу, В. С. Печерицу и Г. Фому. Среди писем Огарева имеются адре-

сыт вид поврежденный немецкий грузовик (в моторе отсутствует магнето), а на нем самолет в полурасобранном виде и без крыльев. Летчик не терпится, он запускает винт самолета и «чешет» по новейшему шоссе 90 верст в час. Через лес чешет. На поле выскочил. Рев. Чул, пиль столбами. Полное впечатление по звуку, что происходит страшный налет штурмовиков на Брюссель («Автомол-самомобиль»).

Удивительные истории бываю, так сказать, разных масштабов. Особенно изобретатель по части «судейногого» был знаменитый барон Мюнхгаузен. Много сирил, но оказался герой курляндской войны, он не пошел дальше удивительного огула незеротных размеров. Эту неозобретельность Лев Успенский, повидимому, решил скрасить узорами мюнхгаузенского воображения. Мы бы пропустили автору подобные трюки, если бы объектом для «игры» воображения он взял тему нейтралитету, мало нас беспокоящую. Но тема рассказов Льва Успенского — война, автор рассказывает историю наездотряда балтийских моряков. Его герои, как сам он говорит, добровольцы-разведчики, «комсомольцы, смельчаки, люди сто крат проверенные». Различными приемами автор намеренно вводит читателя в заблуждение: дневник героя («Скобарь»), письмо, якобы полученное героем и подтверждающее беспорочно достоверность факта («Старуха»), рассказ-воспоминание от первого лица («Автомол-самомобиль») и много других деталей, назначение которых — создать иллюзию достоверности.

Лев Успенский претендует не только на внешнюю занимательность, он пытается показать внутреннюю историю событий, раскрыть душевную жизнь, психологию героев. Так, отлагая автомат старухе, которой предназначается убитый смерем немцев, летчик, всем телом, даже кончиками волос вслушивается в тишину. «Это вроде стучит? Нет! Снова три шага... Вот! Ерое пьет! Уил не лопнут, но сердце, сердце может разорваться!»

В рассказе «Голос в лесу» величие природы напоминает героям о бренности человеческого существования, лес шепчет смельчакам-разведчикам: «Все вы смертны. Умрут оиди, вьются другие. Все мелеется. Только я венец. Я и не голю вас. Ложитесь, вытягивайтесь, закрывайте глаза, умрите... Вайла, встряхнууде: надо было сбросить с себя это тяжелое наваждение». Такие затасканные психологические штампы, изготовленные для изображения рефлексирующего сознания, вообще худшим искусству, тем более они бессильны раскрыть образ героя-бойца, человека наших дней.

Почти половину книги занимает фигура советского Ивана Журавлева. Здесь психологический штамп издается роль «своевока стилинг» всемогущей силой. Но это вредный штамп, ибо в рассказе получается, что лучшие наши бойцы, люди высокой культурной, снабженные новейшей техникой пашут перед старой закалкой мужиком... с тысячами предрассудков и суевейей; его инстинкт оказывается безобразнее их комплекса, его старый карабин бьет вернее их усовершенствованного автомата.

Все вместе взятое говорит о плохом Литературном вкусе автора и об отсутствии у него умения к жизненной правде.

ЗАМЫСЕЛ И ЕГО СУДЬБА

И. ГРИНБЕРГ

В статье «Лучше поздно, чем никогда» И. А. Гончаров, между прочим, делает следующее замечание: «Надо сказать, что у нас в литературе (да, я думаю, и везде) особенно два главных образа женщины постоянно являются в произведении: один параллельно, как две противоположности: характер положительный — пушкинская Оля и идеальная — это же Татьяна. Оля — безусловная, как розка, в голубую господствующую форму. Другой — с инстинктами самозащиты, самолюбия, самоделительности. Оттого первый ясен, открыт, понятен сразу (Ольга в «Юности», Варвара в «Грозе»). Другой, напротив, своеобразен, ищет сам своего выражения и форм, и оттого кажется капризным, таинственным, малодоступным».

Героини повести Валерии Герасимовой «Байдарские ворота» — Оля и Лена Курченко, — кажется, заиманы как дальнейшее продолжение этих контрастных параллелей. В Оле, очевидно, преобладают самолюбие и самоделительность — во Лене же, как можно предположить, волею явность, открытость, спокойствие души. Оба эти типа, разумеется, получают совершенно новое, современное раскрытие, особенно Курченко и их добродушную и гостеприимную тетю Симу немолодой уже подполковник Махотин узнал летом сорокового года на отдыхе в Крыму. Особенно подружились Махотин с Олей, «байронической» настроенной молодой девушкой. «Камынный Печерица» (как называл ее Махотин) — Оля стремилась все проверить и подвергать сомнению, доходить до всего своим умом, порою при этом иронизировавшим. Неизлодо до отезда подполковника между ним и Олей произошла серьезная ссора, не нарушившая, однако,

внутренней симпатии, существовавшей между ними. Махотин предлагал на следующий год оять встретиться с семьей Курченко, но попал снова в Крым только спустя несколько лет, вместе с частями Красной Армии, изгнавшими немецких оккупантов. Тетя Сима рассказала ему о героической смерти сестер, погибших при выполнении поручений партизанского отряда. Такова фабула повести, казалось бы, ясная и яе дающая повода для разномыслия.

Почему, однако, говоря о замысле и об образах повести, мы вынуждены применять такие неточные определения, как «контрастность», «кажется», «как можно предположить»? Потому что знакомая с «Байдарскими воротами», читатель испытывает странное чувство неуверенности: главная героиня как бы раздваивается, имеет двойное бытие, развивается в двух направлениях. Оттого же возникает это ощущение, неизбежно нарушающее единство и законченность впечатления, производимого повестью? Читая повесть Герасимовой, мы углубляем общие контуры ее замысла. Он интересен и содержателен. Оля Курченко — незаурядная, одаренная девушка. В ней много нетрадиционных сил, она требовательна по отношению к самой себе, и к окружающим ее людям. Употребляя слова Гончарова, она имеет «свои собственные формы», и оттого кажется капризной, таинственной, малодоступной». Писательство, с первой — предвзвонной — половею повествования Оля еще не знает точно, где и как приложить свои способности, она вступает в споры со своими близкими, ее охватывает чувство неудовлетворенности и тоски, быстро сменяющееся восторженностью и юношеским энтузиазмом. Наверное, немного времени спустя эта молодая «байроническая» настроенная девушка стала бы полноценным, деятельным и умным работником. Но война и немецкая оккупация поставили Олю лицом к лицу с фашист-

ским варварством, стремящимся уничтожить все, что было ей дорого, все, из чего сложилась ее жизнь и жизнь советской девушки. И вчерашняя школьница стала героиней, она нашла в себе силы стать рядом со своими сверстниками и с советскими людьми старших поколений, отдавшими жизнь ради свободы и независимости родины.

Таков общий черт замысла вещи. Но непосредственная ткань рассказа, детали поведения Олинь, многие ее фразы и поступки, наконец некоторые важные замечания автора вступают в несовместимое противоречие с этим замыслом, ослабляют и разрушают его. Здесь имеет место отнюдь не «диалектика души», не раскрытие жизненных противоречий, а несоблюдение отдельных элементов повествования, стилистических и композиционных, друг друга, несвершенность авторских решений, не позволяющая Герасимовой осуществить задачу, ею же самой поставленную.

В последнем письме к Махотину Ольга, вспоминая о прежнем своем поведении, пишет: «И как мне хотелось на деле доказать тебе, что я не совсем такая уж самоуверенная и ничтожная девушка, какой я, впрочем, все-таки казалась тебе». Увы, ведь заключается в том, что нередко слова и действия Олинь могут внушить такое же убеждение и читателю. Иногда она кажется даже и не девонкой, а злобой и едкостью, и тогда, и мучительное раскаяние, в чрезмерности которого есть нечто ненатуральное и безнормальное.

Когда Оля делает замечательные замечания своей сестре: «Воспитательная терминология; «интереснейший», «удивжайте», «кавалер!» — много досажает в свою очередь и подпитывает ее мелочной придирчивостью, но, в конце концов, эта юная бозья всего «мещанского» естественна и объяснима. Однако несколько страниц спустя встает на отказ Махотина прийти вместе с ней демонстративно по набережной, что бы посрамить всех «клеточников». Ольга произносит разрывчивую молву, которая просто поражает своей злобой и притом

совсем не юной. Она подговаривает своего старшего друга в самых гадких чувствах и мыслях. Он, дескать, и мещанских сплетен плетется, и карьерист, и пошляк, и трус, и обыватель. При этом сама девушка издается тоном провинциальной сплетницы: «Волнуется, кто его знает, если здравое рассуждать, не хотела ли действительно эта периферийная девушка поддешить себе жениха со знаком отличия и чином? Сколько же жели и язвительности в одной этой фразе! Да и само предложение — экстравагантной прозушкой подвтергает «насколько нам безразличен этот куртизан и его гнусное кудахтае» — несет на себе печать отнюдь не девической шалости, а болезненной ущербности, мелочного надрыва. Эта ущербность и надзорность нечет, да и скрывается и поведении и о общее Олянь, придавая ей какую-то старобуржуазную и никак не способную к увеличению симпатий читателя, недоумеваящего, кто же в сущности перед ним — умная и хорошая девушка с неустанно-внимательным характером или правнучка господина Голдманца из повести Ф. М. Достоевского «Двойник».

Все недоумения и неясности должна была решить вторая часть повести, изображающая героиню в действии, переходящей от слов к важному и ответственному делу. Это было бы лучшим ответом на все вопросы, вызванные двойственностью Олиньго облика. К несчастью, однако, заключительные главы повести такого ответа не содержат.

Но разве не решил автор проблемы, сообщив, что избранный им героиня оказалась достойной великого испытания, вынавшего на долю ее поколения, и стала активным и смелым борцом против немецких захватчиков? Нет, подобной информации не может быть решена задача художника. Читатель имел все основания ожидать, что ему будет объяснена «тайна» рождения повести, будет развезнут процесс превращения, происшедшего не только с Олей, но и с Леной Курченко — доброй и простой, но столь психологически изощренной, как ее сестра, но по сути дела совершенной не меньшей юности. Этого раскрытия внутреннего содержания и действия героини не случилось. Обстояние напряженной борьбы, которое должно было,

по сути дела, стать центральным местом произведений, нет в «Байдарских воротах». Первые главы передавали все наглы бы и оттенки оных настроений, с детализацией, порой даже излишней. Во второй же половине повести писатель передоверет рассказ симпатичной, но простоватой тете Симе, которая не способна раскрыть душевные переживания своих племянниц и ограничивается по преимуществу лишь вышним описанием событий.

Таким образом, повесть обходит молчаливое самое ценное, самое важное — превращение мечтательной и «ищущей» девочки в подлинную героиню. А ведь именно в этом и заключалась, вернее, должен был заключаться главный интерес повести, ее цель, ее смысл. Доблестные деяния, совершенные нашими современниками, прекрасны и нравственны. В них одновременно воплощены и историческая необходимость и благородная справедливость и гуманность. Они влекут к добру новые поколения, вступающие в жизнь. Они вызывают торжество и несравненно моральную силу принципов коммунизма. Однако великая ли ценность произведений, говорящих об этих явлениях, но не раскрывающих их рождения, не позволяющих читателю понять, каким путем шел обыкновенный наш соотражданный и современный к героическому деянию.

Может быть, здесь предельны к автору «байдарских ворот» чрезмерные и несостоятельные требования? Но и общее течение фабулы и первоначальная расстановка и обрисовка действующих лиц заставляли предполагать, что Герасимова поставила перед собой именно эту задачу. К несчастью, «общество» осталось невыполненным, и этим самым повесть Герасимовой осталась недоиспользованной, неопознанный. Вспоминая слова Гончарова, которыми начала эта статья, можно сказать, что читатель так и не узнал, как Оля нашла свое выражение и форму, как выразилась и сформировала ее характер. Но о чем же тогда рассказывает повесть Герасимовой и в чем ее смысл?

Фашисты закрывают их переводить особо унизительные вещи. Лена маскует команданта. Оля, маскировка, лад, угваривает ее не протривать и согласится с ней, употребляя выражения тети Симы «ласкудство» и «лактость». В это время девушка, очевидно, выполняющая поручения партизанского штаба. Но для чего же выданы именно эти «лактостные» детали — неужели ради одной только «остренькой» психологической игры? Нет, не через них можно передать подлинное моральное обание девушки, подобных сестрам Курченко.

Утверждающие, активные, наступательные черты — вот основа героического характера. Они могут сочетаться с самыми различными слабостями, свойствами, пристрастиями. Но всегда в основе поведения, в основе внутреннего существа человека — волево-позитивная партия. Лена и Сталина, лежит воистинующее добро и воистинующая справедливость. В характере же Оли преобладают негатив, прелятирующие прямоту, сильному, на глубины души идущему действию. Слишком настойчиво обращен ее взор на все смешное и стыдное в человеке.

Заканчивая повесть, Герасимова пишет о «простоте и вечном», о мире «безграничной свободы и истины», о «ветленном человеческом стремлении к торжеству справедливости и благородства». Это прекрасные слова, но нельзя ограничиваться простым перечислением их — повествовательная проза имеет свои законы. Она требует выражения этих благородных начал в человеческих характерах и поступках.

Вот почему странны, посвященные Махотину (если не считать странки, описывающей действия его подражателя и являющиеся подражением военно-тактическим очеркам из «Красной звезды»), — лучшие места повести. Махотин умеет, а Оля «умнчает». Махотин по-хорошему требователен к людям, потому что верит в них, — Оля занимается мелочным разоблачительством. Простоты и ясности, цельности не хватает и героине, и всей повести в целом — вот что помешало писателю осуществить свой замысел, который было достоянием души, душевой судьбы.

В течение трех дней в Московском клубе писателей происходило под председательством Н. Тихонова первое за время войны совещание драматургов, посвященное обсуждению проблем советской драматургии. Совещание собрало большую аудиторию.

Вступительными речами Н. Погодина и В. Вишневского, как и в разрывшихся прениях, главное внимание было уделено современному состоянию драматургии и определению тех задач, которые настоятельно выдвигает перед искусством наша эпоха. Справедливо было отмечено, что пьесы, появившиеся за последние годы, в большинстве своем ниже того, что сделано советскими драматургами в первый период войны. Сейчас нельзя назвать ни одного произведения, которое с такой же остротой затрагивало бы важнейшие проблемы дня, как это сделали в свое время А. Корнейчук во «Фронте», К. Симонов в «Русских людях» и Л. Леонов в «Нашистине». Между тем в последние, всемирно-исторические масштабы событий, свидетелями которых мы являемся, блистательные победы Красной Армии, героизм советского человека на фронте и тылу за драматургии неисчерпаемо богатство тем, сюжетов, образов и характеров. Говорилось и о существующей недостатке многих пьес — схематичности, бледности, лишением психологического проникновения образ советского человека. Тему драматургического произведения, пытающегося раскрыть смысл совершающихся событий и загнать вперед, в будущее, нельзя разрешить, не показав подлинного, живого героя нашего времени, человека мужественного, бесстрашного, безраздельно преданного родине и гордо идущего под водительством Сталина к торжеству победы.

На совещании присутствовали драматурги, критики, деятели театра, затронувшие в своих выступлениях вопросы о взаимоотношениях режиссера и драматурга.

С яркой речью выступил на совещании С. Михалас. Он подчеркнул, что нет театра вне драматургии и нет драматургии вне литературы, говорил о великой силе слова и о поэзии творческого замысла. Множество тем «разсыпано» перед драматургией, но для подлинного художника тема возникает из идейного замысла, рожденного поэтическим взлетом мысли.

Выступивший в заключение Н. Тихонов подверг острой критике пьесы Н. Вирты о Сталинграде.

Кремлевские совещания, чьи речи в сокращенном виде мы печатаем ниже, в прениях приняли участие также Б. Балаш, А. Бруштейн, В. Волькенштейн, Н. Волков, М. Гус, И. Луковский, Г. Мдивани, Н. Петров, А. Ржевский, Б. Сучков, А. Файко, К. Флинн, Г. Штайн и др.

Н. ПОГОДИН Театр и современность

Можно ли сказать, что драматургия нашего театра трудно потому, что какие-то темы современности только намечаются. Мне кажется, это неверно. Большие темы современности настолько осязаемы, настолько ясны, что казалось бы, достаточно мало иллюстративного прикосновения, каким является, например, пьеса Чепурина «Сталинградцы», чтобы решение было уже найдено. Тема, что называется, сама идет в руки, а между тем у нас нет пьес, которые бы нас в полной мере удовлетворяли.

Пьесы, которые были написаны в первый период войны, прежде всего такие пьесы, как «Нашистине» и «Русские люди», являются для своего времени эталонными пьесами (я не говорю о «Фронте» и целом ряде других пьес). Они синтетически ставили о том, что творческая жизнь не затухала, что эти пьесы в особую трудную эпоху выдержали испытание, из которых театр и драматургия вышли победителями.

Мне кажется, что важнейшую неудовлетворенность театра и драматурга, которая сейчас у нас существует, надо рассматривать с точки зрения новых, уже более высоких требований, которые мы можем предъявить друг другу.

Большие темы современности мы часто поднимаем сюжетными темами. Я хочу взять сталинградскую тему.

Даже моменты бросаются в глаза, — во первых, грандиозность самого события, во-вторых, близость этого события.

Эти немалые отклики в лучшем случае являются только иллюстрацией, но в какой степени не объясняют события. Когда нам предлагают написать пьесу о Сталинграде, то это понимается как тема, и нам предлагают в качестве главного действующего лица или героя событие. Все требования относятся к освещению события, и вся критика последующего произведения и оценка его опять-таки идут от события. Мне кажется, что событие никогда не может являться центральным героем драматургического произведения. Но мне кажется на это: событие творил народ, т. е. создатель события Сталинграда, партия, Сталин.

Мне кажется, что попытка взять какое-то событие или дать типичные функции искусства и приводит к надуманности и ложной картине, которая на самом деле не существовала. Мне кажется, что такое произведение, в котором люди будут обслуживать известные функции, иллюстрирующие события, должно и искусственно.

рамки узкого литературного кружка, его традиций, его настроений и, в конце концов, пишет неоригинальную пьесу.

А мы вправе ждать от драматургов, участников войны, разработчики новых, решающих тем, пьес, которые бы нас учили, повели за собой. В ряде пьес повторяются какие-то реминисценции, они разглагольствуют на разные лады, варьируют тему маленьких людей, людей, которые ничего не решают. В результате, эти пьесы ведут к апологетике мещанства или объективно констатируют существование этого мещанства, воспевают такие его атрибуты, как пенюшка, елочка, белый слоник, самовар и т. д., конечно, они при этом оставляют в стороне не только большую тему современности, но даже какую-либо переключку с ней.

Я хотел бы еще сказать о пьесе «Так и будет». Мое личное мнение, может быть, дискуссионно, его можно опаривать, но эта пьеса имеет для меня в известной степени принципиальное значение. Мне кажется, что «Так и будет» — продолжение лирической темы «Жизни меня». «Жизни меня», как лирическое произведение, замечательно и непростительно, по-моему, подходить к нему с позиций рационалистической критики. Как лирическое произведение, оно сыграло огромную роль, потому что оно отражало интимные, поэтические настроения своего времени и являлось темой неподуженного письма как в тылу, так и на фронте. Затем — это первый случай в русской литературе — из лирического произведения получалась пьеса, потом кинематографическое произведение. И когда Симонов перешел из лирического тема в пьесу, успех был неслучайным, несмотря на то, что возможности расширились, появилась спешная планка, но своего воздействия все это не дало.

Мне кажется, что «Так и будет» Симонова — тоже пьеса лирическая, она дает надежду, что когда человек, израненный войной, придет домой, и если даже его встретят чужие люди, то они обласкают его, забудут раны, и вновь будут любить, надежды.

Но когда Симонов переносит это на сцену, то он, как и в «Жизни меня», делает ошибку, — он минует большие жизненные, тревожные и серьезные процессы. Принципиальное значение симоновской пьесы, и, по-моему, недостаток ее в том, что в ней, как и в «Жизни меня», автор занимается не искусством. А это, с моей точки зрения, вредно и опасно, против этого нужно крепко воевать и бороться. Это утилитарство тем опаснее, если оно является тенденцией и направлением нашей драматургии и нашего театра. За Симонова мне не страшно, Симонов переживает медовый месяц и в литературе и в театре. Он может делать ошибки. Но он талантлив и, несомненно, выразителен. Но мне страшно, если такие произведения станут программой, знаменем, если Симонову будут подражать. Я боюсь такой тенденции, когда, отрывая жизненные явления от их основы, от жизни, над которой нужно думать, решать, станут говорить очень пророчески и самонадеянно: «Так и будет».

Если мы последуем приведенному примеру просто потому, что это легче, сподойнее, то мы, конечно, многого не сделаем и ничего нашему зрителю не объясним.

Меня, например, очень волнует, если говорить о теме обороны Москвы, тайна панфиловцев, которые первыми сделали этот героический, роковой и вместе с тем блестящий, немужской шаг в войне, — оставили немцев танки. Как выросло содружество этих людей, — вот тема драматурга.

Мне кажется главной темой современности на целый ряд лет будет тема: почему мы победили? Это тема тем. Это то, что должно пронизывать наши произведения. Это не доказательная драматургия и не иллюстративная, и не узко приключенческая. Эта тема таит в себе огромное многообразие материалов. Драматургические превращения, возврата к довоенной эпохе, даже к 1917 году. Мне кажется, что она для каждого человека является тем главным и основным вопросом, личным, интимным вопросом, на который он хочет получить ответ в искусстве. И отсюда — главная цель драматургии: ответить нашему современнику, в чем его величие, величие маленьких и простых дел.

Вс. ВИШНЕВСКИЙ Вопросы, выдвинутые жизнью

Пьес у нас мало И те пьесы, которые существуют, в большинстве случаев не дают нам удовлетворения, потому что в душе, в сознании лежит огромное, расширенное представление о происходящем.

Сможем ли мы и смеем ли откликнуться в своих произведениях на сложный, стремительный мировой процесс? Что нам, драматургам, нужно делать? Мы должны показать наш народ, нашего полководца — Сталина, показать наших людей.

Почувствуйте, товарищи, и поймите новые силы, которые меняют мир. Люди знают эту войну — те люди, которые отлаивали ей себя понастоящему, не щадя своих сил. Испытания выпали огромные. Поэтому у драматурга должны быть прежде всего абсолютная смелость, чистота и правдивость в постановке социальных вопросов. С народом нужно говорить прямо, — как учит нас партия — не бороться в самые трудные минуты и в самые светлые минуты и скрывать правду, сказать, что это вот хорошо, а это плохо, а это нужно переделать.

Напряженно бьется мысль у наших бойцов и офицеров. Их тревожат тысячи вещей; и вопросы будущих границ, и перспективы личной жизни, и семейный быт, и проблемы истории и культуры и т. д. Вспомните, как меняет и углубляет психологию нашего человека. Посему надо заниматься не утилитарством, не схематичным лиризмом, не гастрономическими обещаниями. Надо говорить о перспективе политической, экономической, духовной и культурной.

И за то, чтобы наша драматургия говорила людям: думай над этими проблемами и решай их, участвуя в создании народа, показывая его в войне, кто он такой. Только тогда наша драматургия избавится от бытовой размазни, с которой

Ю. ЮЗОВСКИЙ Радость борьбы

Я недавно читал сценарий одного видного нашего писателя. Он был интересно построен, так сказать, по принципу «Войны и мира» в кинематографическом жанре. Герой находится на войне и претит о враге, вспоминает картины мира от которого его оторвала война, и эти картины воодушевляют его, когда он идет в атаку. Вот, стало быть, он собирается в атаку, и в этот миг перед его умственным взором встает его квартира, красивая комната, освещенная вечерним солнцем, стол, накрытый разнообразной продукцией Гастронома, мизантропические олеи дамы за столом, влюбленные глядящие на него, на героя. И вот, вспомнив эту жизнь, наш герой с тем большей яростью кидается на врага и одолевает его. Вторая картина — не то Мисхон, не то Сочи, море, яркий полдень, так называемая лазоревая волна, пляж, где-то на заднем плане киоск с прохладительными напитками, которые не могут все же охладить горячей страсти нашего героя к героине, с которой он нежится на пляже. В тот самый миг, когда в воспоминаниях они целуются, герой вылезает на задание, и мы понимаем, что с какой страстью он его выполняет. Следовательно, надо понимать, что вот эти картины должны нас влечь, влечь и воодушевлять к борьбе, давайте же трянем воспоминаниями, как живы.

Этот сценарий не единичен; в разных формах и вариантах, более плоских и более возвышенных, выдвигается этот идеал потребительской жизни, этого благожелательного этого счастья покоя, который провозглашается предостережением мира. Я понимаю авторов этих вещей — они хотят утешить человека, много пережитого во время войны и лишений и горя. Я понимаю честные мотивы, руководящие ими, но я не могу к ним присоединиться.

Если же говорить о традициях великой русской литературы, то я вспомнил бы слова, которые говорит у Горького Сатин: «Человек выше сытости». Это говорит Сатин, человек полуголодный, полуодуший, спящий на жестких нарах, и все же он бросает вверх со дня жизни этот дуэнт — «Человек выше сытости». Он не хочет сказать — человек не должен быть сытым, но ради сытости человек живет. Если говорить, от чего нас оторвал враг, так это от жизни творческой, созидательной, деятельной, перспективной, на благо человечеству.

Здесь очень многие ругали пьесу А. Гладкова «Жесточкий роман». Она, конечно, с изъянами и требует доработки, но я прежде всего хочу обратить ваше внимание на талантливость автора, на его тонкое и баларанное лирическое дарование, скажем в 1-м акте. Автор вывел двух людей, которых он очень любовно задалумал, но так сказать, на ходу стал вообразить их, улучшая, побоявшись своего первоначального замысла. А замысел приблизительно таков: вот два человека — мужчина и женщина; они хорошие советские люди, они выполняют свои служебные обязанности, они добросовестно работают и т. д. Однако у этих людей, для которых их работа есть только обязанность, их отношение к делу есть только долг, нет никаких полетов, никаких вольностей, нет прошлой или будущей мечтательности, ни перспективы. Все — исключительно человек существует для них, как всякая газетная информация, не больше. Это люди без влюбленности, без радости в творчестве, и даже в собственной любви друг к другу это скучные люди, у них нет ничего, что выше сытости. Автор противопоставляет им других героев, у которых есть этот полет, но (и тут-то недостаток пьесы) он какой-то бесцельный, по каким-то беспорядочным адресам, герои слишком пристально следят за своими внутренними «переживаниями»: я боюсь, что бердиль свои карточки раны не доставляет удовольствие, — это рискованный путь ухода от души и брани жизни, и оттого их перемишество над их антиподами во многом теряется.

Главная заслуга пьесы «Фронт» в том, что она заключает в себя критику критики, оценивая обстановку и некоторых наших военных деятелей в первый период войны. Пьеса «Фронт» — это умная пьеса, и кто же станет отрицать ее пользу?

Владимир Соловьев говорил здесь об общечеловеческой драматургии. Содержательно правильно. Наша задача — не только восхитаться и удивляться, но и обличать, высмеивать, исправлять нравы. Я не верю, что путем приказов на пьесы можно так расламывать театральное хозяйство, что будут охвачены все темы нашей жизни и все вопросы современности.

У нас, часто вульгарно, неправильно понимают мысль Энгельса о типичном в типичных условиях! Слово «типичный» часто отключается у нас со словом «поголовный». А Энгельс писал о том, что каждый персонаж должен быть, как говорил Гегель, «этот».

Обличительная пьеса не в том должна нравиться. На то она и обличительная. Сколько-нибудь не понравится «Фронт»? Сколько протестов, нареканий, обид вызвала эта пьеса? А сделала ли она нас слабее? Нет, она сделала нас сильнее.

Страна наша так устроена, что справедливость в ней всегда побеждает.

Вл. СОЛОВЬЕВ Автор и его герои

В дни войны появились пьесы «Нашистине», «Фронт», «Кремлевские куряны», «Русские люди», «Петр Крымов», «Офицер флота», «У стен Ленинграда» и многие другие. Они далеко не равны по художественным качествам, но я хочу отметить, что в них, как и в пьесах до войны, Вопрос в том — не стали ли они писать хуже? Если признавать, что «Фронт» и «Русские люди» носят отпечаток торпидности, свойственной военному времени, то это компенсируется политической остротой «Фронта», патристичностью и современностью такой пьесы, как «Русские люди».

Наши драматурги удачнее выбирают темы, нежели создают образы. Да оно и неудивительно — последнее много труднее. В наших пьесах гораздо больше положительных и отрицательных персонажей, нежели людей, имеющих свои достоинства, свои недостатки, по-своему радующихся, по-своему страдающих, по-своему рассуждающих. Особенно мало этих последних. Главный недостаток нашей драматургии в том, что люди, показанные в наших пьесах, переживают любые радости и любые муки, кроме муки и радости, которые доставляют им собственные мысли.

В силу этих причин все так называемые положительные персонажи, выведенные в пьесах разных драматургов, нередко похожи между собой. Они могут быть легко перенесены из одной пьесы в другую.

Конечно, герои произведений не могут быть умнее, чем их авторы, но весьма положительным является тот факт, что многие драматурги во много раз умнее своих героев и своих произведений.

Недавно Константин Симонов в своей пьесе «Так и будет» показал нам, в сущности, не то, как будет, а то, как, по моему мнению, должно быть и, вернее, то, что автору хотелось бы реально видеть. Олицетворяет он не всегда бывает. Задача драматурга состоит в том, чтобы показать нам, как есть, и в том, чтобы персонажи выведенные в его пьесе, боролись, мучились и спорили друг с другом, добываясь того, что было лучше, чем есть. В этом, в сущности, и состоит прогрессивная роль искусства.

В драматургии исчезла сатира. Для того, чтобы вернуть этот жанр на сцену, мне кажется, нужно разъяснить, растолковать некоторые вещи, сами собой разумеющиеся. Например, если бухгалтер Иван Иванович Иванов показан на сцене, как типичный, обычный, это вовсе не значит, что все наши бухгалтеры таковы. Однако не надо думать, что если отрицательный персонаж пьесы — инженер, то значит автор высмеивает советского инженера; если персонаж — милиционер, то клеветает на советскую милицию.

Теперь им. Ленинского комсомола созданы очень теплые спектакли «Так и будет»: есть там атмосфера дружбы людей — тема этой дружбы составляет прекрасную черту симоновского творчества. Мужественный стиль симоновских героев автор немного портит известным, с некоторыми модными у нас, хемингуэйским налетом, и это иллено мешает автору. Автор любовно относится к своим героям, но готов, чтобы утешить и обласкать их, повзвиздывать, жалеть, прижалеть, позвиздывать, утешивать, израненный, усталый, и автор выводит, который должен прижаться к его сердцу герою. Автор не удерживает и судьбу девушки. Устроена и девушка, профессор, — это дочь и выходец из семьи, молодой архитектор, устро-

И. ШТОК Типичность и стандарт

Мы нередко сталкиваемся с такими настроениями: «Ах, мы слабые, ах, мы молодые, ах, нам надо руководить, ах, мы плохо руководим, поэтому я ненавижу пьесу. А вот если бы мной руководили другие, а бы не писал». Я не верю такому драматургу. Хорошая пьеса может сперва не понравиться. Потому что она нова, потому что она ломает старые привычные представления, потому что она не только борется за что-то, но потому, что она нападает против чего-то. История литературы полна подобными примерами. Да и в нашей литературе. Раз уж так плохо было, скажем, конструкторам самолетов, строителям орудий, создателям современных машин, решившим в значительной степени победный исход этой войны? Я думаю, всем им было нелегко. Почему же мы хотим, чтобы нам было легко, и кичимся от неудач и оплываем трудностями плохое качество нашей работы?

Это не значит, что против несправедливости не надо бороться. Надо, и, пожалуй, не только писателями, но и разносторонней работой, и диспутами, и статьями, и общечеловеческой драматургией. Содержательно правильно. Наша задача — не только восхитаться и удивляться, но и обличать, высмеивать, исправлять нравы. Я не верю, что путем приказов на пьесы можно так расламывать театральное хозяйство, что будут охвачены все темы нашей жизни и все вопросы современности.

У нас, часто вульгарно, неправильно понимают мысль Энгельса о типичном в типичных условиях! Слово «типичный» часто отключается у нас со словом «поголовный». А Энгельс писал о том, что каждый персонаж должен быть, как говорил Гегель, «этот».

Обличительная пьеса не в том должна нравиться. На то она и обличительная. Сколько-нибудь не понравится «Фронт»? Сколько протестов, нареканий, обид вызвала эта пьеса? А сделала ли она нас слабее? Нет, она сделала нас сильнее.

Страна наша так устроена, что справедливость в ней всегда побеждает.

У него есть помощница, покладая женщина Таня. Эта перелетная монахиня, говорящая: «Корчиста Россия в муках ада», должна изображать разведчицу Сталинграда.

Студент, которого в прежние времена называли белополудничником, выдвигается в этой пьесе за представителя советской интеллигенции. В Сталинграде он идет за чудо-богатыря. Про этого «чудо богатыря» Хломов говорит: «Светлый человек, этот Петя. Вроде отрока этот Петя Перепелочкин». «Отрок» говорит, как христос, готовый принять страдание: «Я люблю маму, но она не все понимает, она человек старых взглядов: она всегда ходит в черном платье с кружевыми манжетами. Воспитанности ужасной, сплошная угрюмость. Я не осуждаю, я просто так. Я ничего не осуждаю. Кроме подлости войнских пьес».

Как же действует этот Петя в сталинградских условиях? По репарке автора, он начинает ходить по повалам. Порой продолжает свой монолог. Петя садится за пианино и играет, играет что-то из Шопена, бумное, мощное, и говорит, говорит, и глаза его блестят.

Алютант ограниченного персонажа, названного генералом, Фролов говорит, выпивши, о «классике из братской республики» — т. е. о Гоголе.

Таким образом, защитниками Сталинграда представляются не то кулак, не то перелетный поп, монахиня или богomoлка в звании разведчицы, студент из вымершей лавы белополудничников, незалекий генерал со своим пьянющей адъютантом.

Н. ТИХОНОВ Драматург-писатель

Дискуссия была длинной, но могла быть еще длиннее, так как выступили далеко не все драматурги и деятели театра. Были высказаны многие и разные соображения, которые, конечно, сразу не могли внести полную ясность в трудное положение театров без пьес и пьес без театров.

Погодин отметил один из основных недостатков драматургии сегодняшнего дня — растерянность перед богато современной темой, растерянность перед трудностью показа великой сложности переживаемого.

Указывалось на провинциальность пьес по отношению к широкой теме страны, на их интимность и своеобразное знание бурных явлений современной жизни малым утилитарным сентенциями. Говорили о сильном сужении творческой активности к самим формам драматургических произведений, о понижении культуры драматурга. И, наконец, об отрыве драматургии от литературы.

В. ВИШНЕВСКИЙ Вопросы, выдвинутые жизнью

Писатель-драматург — это глашатай далекой звучащей нашей идеологии, нашей правды, проповедник передовых идей нашей социалистической культуры, борющийся, за все лучшее, за что борется наш народ во главе с великой партией Ленина — Сталина.

Писатель-драматург сейчас, как никогда, богат возможными изображениями людей социалистического общества, творящих что-то замечательное, что мы наблюдаем и как участники и как свидетели.

Крайняя правдивость ищет себе выхода в форме самого сложного и совершенного — в драматургическом произведении. А между тем есть ли правдивость в изображении этого великого, совершающегося в наших пьесах?

Ю. ЮЗОВСКИЙ Радость борьбы

Я недавно читал сценарий одного видного нашего писателя. Он был интересно построен, так сказать, по принципу «Войны и мира» в кинематографическом жанре. Герой находится на войне и претит о враге, вспоминает картины мира от которого его оторвала война, и эти картины воодушевляют его, когда он идет в атаку. Вот, стало быть, он собирается в атаку, и в этот миг перед его умственным взором встает его квартира, красивая комната, освещенная вечерним солнцем, стол, накрытый разнообразной продукцией Гастронома, мизантропические олеи дамы за столом, влюбленные глядящие на него, на героя. И вот, вспомнив эту жизнь, наш герой с тем большей яростью кидается на врага и одолевает его. Вторая картина — не то Мисхон, не то Сочи, море, яркий полдень, так называемая лазоревая волна, пляж, где-то на заднем плане киоск с прохладительными напитками, которые не могут все же охладить горячей страсти нашего героя к героине, с которой он нежится на пляже. В тот самый миг, когда в воспоминаниях они целуются, герой вылезает на задание, и мы понимаем, что с какой страстью он его выполняет. Следовательно, надо понимать, что вот эти картины должны нас влечь, влечь и воодушевлять к борьбе, давайте же трянем воспоминаниями, как живы.

Этот сценарий не единичен; в разных формах и вариантах, более плоских и более возвышенных, выдвигается этот идеал потребительской жизни, этого благожелательного этого счастья покоя, который провозглашается предостережением мира. Я понимаю авторов этих вещей — они хотят утешить человека, много пережитого во время войны и лишений и горя. Я понимаю честные мотивы, руководящие ими, но я не могу к ним присоединиться.

Если же говорить о традициях великой русской литературы, то я вспомнил бы слова, которые говорит у Горького Сатин: «Человек выше сытости». Это говорит Сатин, человек полуголодный, полуодуший, спящий на жестких нарах, и все же он бросает вверх со дня жизни этот дуэнт — «Человек выше сытости». Он не хочет сказать — человек не должен быть сытым, но ради сытости человек живет. Если говорить, от чего нас оторвал враг, так это от жизни творческой, созидательной, деятельной, перспективной, на благо человечеству.

Вл. СОЛОВЬЕВ Автор и его герои

В дни войны появились пьесы «Нашистине», «Фронт», «Кремлевские куряны», «Русские люди», «Петр Крымов», «Офицер флота», «У стен Ленинграда» и многие другие. Они далеко не равны по художественным качествам, но я хочу отметить, что в них, как и в пьесах до войны, Вопрос в том — не стали ли они писать хуже? Если признавать, что «Фронт» и «Русские люди» носят отпечаток торпидности, свойственной военному времени, то это компенсируется политической остротой «Фронта», патристичностью и современностью такой пьесы, как «Русские люди».

Наши драматурги удачнее выбирают темы, нежели создают образы. Да оно и неудивительно — последнее много труднее. В наших пьесах гораздо больше положительных и отрицательных персонажей, нежели людей, имеющих свои достоинства, свои недостатки, по-своему радующихся, по-своему страдающих, по-своему рассуждающих. Особенно мало этих последних. Главный недостаток нашей драматургии в том, что люди, показанные в наших пьесах, переживают любые радости и любые муки, кроме муки и радости, которые доставляют им собственные мысли.

В силу этих причин все так называемые положительные персонажи, выведенные в пьесах разных драматургов, нередко похожи между собой. Они могут быть легко перенесены из одной пьесы в другую.

И. ШТОК Типичность и стандарт

Мы нередко сталкиваемся с такими настроениями: «Ах, мы слабые, ах, мы молодые, ах, нам надо руководить, ах, мы плохо руководим, поэтому я ненавижу пьесу. А вот если бы мной руководили другие, а бы не писал». Я не верю такому драматургу. Хорошая пьеса может сперва не понравиться. Потому что она нова, потому что она ломает старые привычные представления, потому что она не только борется за что-то, но потому, что она нападает против чего-то. История литературы полна подобными примерами. Да и в нашей литературе. Раз уж так плохо было, скажем, конструкторам самолетов, строителям орудий, создателям современных машин, решившим в значительной степени победный исход этой войны? Я думаю, всем им было нелегко. Почему же мы хотим, чтобы нам было легко, и кичимся от неудач и оплываем трудностями плохое качество нашей работы?

Это не значит, что против несправедливости не надо бороться. Надо, и, пожалуй, не только писателями, но и разносторонней работой, и диспутами, и статьями, и общечеловеческой драматургией. Содержательно правильно. Наша задача — не только восхитаться и удивляться, но и обличать, высмеивать, исправлять нравы. Я не верю, что путем приказов на пьесы можно так расламывать театральное хозяйство, что будут охвачены все темы нашей жизни и все вопросы современности.

У нас, часто вульгарно, неправильно понимают мысль Энгельса о типичном в типичных условиях! Слово «типичный» часто отключается у нас со словом «поголовный». А Энгельс писал о том, что каждый персонаж должен быть, как говорил Гегель, «этот».

Эта необычная для Островского пьеса, а для театра она одновременно и легкая, и очень трудная. Афиша обещает нам показ среды, привычный для бытовых пьес Островского: Отрадная — «девушка благородного происхождения», Дудкин — «богатый баба», Галина — «еще одна», Муров — «молодой человек из губернского чиновничья». Мы знаем и место действия, — в таком городе Кавандышев застрелил Ларису, лавочник Краснов убит женой, в таком провинциальном театре играли и Негина, и Несчастливцев. Но в «Без вины виноватые» есть один персонаж, резко выходящий из этого привычного ряда: это Отрадина-Кручинная. О ней Островский написал другим красками и средствами, не считаясь с теми бытовыми закономерностями, которые он же считал для себя обязательными в других своих пьесах, и допуская порою даже вынужденные, но неуклюжие.

«Без вины виноватые» А. Островского в Камерном театре. Постановка А. Таирова. На снимке — сцена из 4-го действия. А. Коенен в роли Кручинной, В. Кенингсон в роли Незнамова. Фото Э. ИГНАТОВИЧ (ФОТО ТАСС).

Но ведь мы уже знаем, что в той, романтической новелле о Кручинной, которую раскрыл и показал Камерный театр, невозможно может оказаться возможным и условное — безусловное. И со 2-го акта это новелла о Кручинной — королева сцены... Поистине королевой, полной величия и благородства, играет ее Коенен. Как и в 1-м акте, она живет со взором, устремленным на себя. Она знаменита, ею восхищаются, перед ней заискивают, ее слово имеет вес у «сильных мира». Но она этого слово и не замечает, она несет свою материнскую печаль и словно ведет с ней несмышленый для зрителя разговор. Вскрытой боли своей поочередно она какому-то большому мудрости. И эта мудрость скорей создается вокруг Кручинной как бы колесо чистоты, о котором разбивается запятанная порыв Мурова, да, вероятно, и всякого, кто посмеет знать ее, скорбную мать, как любви и счастья.

Последний акт — великий акт Кручинной и актрисы Коенен. Художник одел ее в белое платье. — Не в то, конечно, возмущая, что полегло вышнему цветением на землю в начале пьесы, но в тяжелой королевский атлас, затканый цветами. Невольное воспоминание пророчество Несчастливцева: «Ты войдешь на сцену королевы, — королевой уйдешь». Ограбленной духовно пришла на сцену Кручинная. Но ушла — королевой, счастливой и гордой. Все победившей талантом и богатством своей души. В дни Островского такой счастливый конец был невозможен. Или казней, или оказались бы его жепца «Таланты и поклонники». Но разве не выдумал фантазия несомненно, а в его время достигли концы «Недоросля» с наказанием Простаковой? Это право поэта-пророка — показывать свою мечту реально, а не просто мечту. В дни Островского такой счастливый конец был невозможен. Или казней, или оказались бы его жепца «Таланты и поклонники». Но разве не выдумал фантазия несомненно, а в его время достигли концы «Недоросля» с наказанием Простаковой? Это право поэта-пророка — показывать свою мечту реально, а не просто мечту. В дни Островского такой счастливый конец был невозможен.

Возможно ли, чтобы в городе, где все знают друг о друге малейшие детали кухни и аллюра, никто не подсмотрел, что Отрадина бегает в сумерки к Галичке? Возможно ли, чтобы хищница Шелавина, шиншиллу покупая Мурова в мужью, не вынала всей подноготной о его связи с Отрадиной и наличии у них ребенка? На эти вопросы, жизнь тех дней, затепляемая в литературе и воспоминаниях, отвечает: «Нет, это невозможно. Что же... Островский ошибся? Или не знал своего материала? Или сфабриковал, хотя бы и неумышленно? Нет, эти допущения он допустил намеренно, создавая романтическую новеллу об Отрадиной-Кручинной и оправив новеллу в бытовую рамку. И если, возможные в этой бытовой оправе, оказались законными на том романтическом острове, куда автор поместил свою героиню.

Так раскрыл пьесу Камерный театр, выходящий с этим спектаклем к 30-летию великого бытия. Этот спектакль — законченный этап творческого пути А. Таирова, который этот крупнейший мастер неуклонно шел к раскрытию глубинных пластов мысли автора и чувства актера. А образ Отрадиной-Кручинной, конечно, войдет достойным звеном в славу цепь величайших сценических созданий замечательной актрисы А. Коенен.

Отрадина-Коенен предстает в 1-м акте, сидит у окна, освещенная солнцем и зяб ушедшая в какую-то, ей одной ведомую, тайную радость. Она почти не слышит болтовни Анушки, — она, шутя, гадает на лепестках и всерьез радуется, когда цветок подтверждает: «люблю!» Она только что кончила шить платье — белое, девически-нежное. Не Золушка ли поедет в нем на королевский бал или пойдет к алтарю об руку с избранным своим? Изумительно передает Коенен в сценах с Муровым и Шелавиной тончайшие оттенки пророческой Кручинной — от первого червячка сомнения до ужаса перед отвратительной гадкой предательством. После ухода Шелавиной Коенен подходит к березке, разостланному на кресле белому платью, осторожными пальцами приподнимает рукава-крылья — и бессильно выжидает их... И тут на нее обрушивается последний удар: смертельно заболел ребенок. Отрадина убегает к нему. Успокаивает, как мать Муров, — «Смирись, смирись, не плачь», — и постепенно скрадывает предмет, — долгие часы белеет беспомощно распростертое на полу платье.

Прошло 17 лет. Жизнь, расцветавшая над нею, Отрадина отлетела по-своему, в меру своей большой души. Все силу поруганных чувств она превратила в творчество: она стала замечательной актрисой. И тут снова уместен вопрос: а возможно ли это? Могла ли тогда женщина стать великой актрисой одной лишь силой своего таланта? Сам Островский в других пьесах отвечает: актрисой — да, могла стать. «Бросится женщина в омут голой от любви — вот актриса!» («Лес»). Но великой актрисой — вряд ли. Не могла же стать ее Негина без хищнической духовно-ростовичийской поддержки Великого Островского, утверждая, что в его время, когда судьба актрисы решалась не только талантом, но и меланхолической судьбой Кручинной могла сложиться так счастливо.

Москва в жизни и творчестве Пушкина

На очередном заседании пушкинской комиссии ССП в докладе «Москва в жизни и творчестве Пушкина» выступил М. Павловский. Доклад (первый раздел большого исследования), прослушанный с большим вниманием и интересом, был посвящен детским впечатлениям поэта. Период этот наименее освещен в пушкинской биографии. Выступавшие в прениях С. Бонди, И. Новиков, Д. Благой, Ю. Верховский, И. Фейнберг, М. Ашеров и И. Эйгер отметили, что М. Павловский мастерски использовал новые еще не опубликованные материалы. В его изложении оживает Москва детства Пушкина, какой она запомнилась поэту и отразилась в его творчестве.

Спору вызвал интересный биографический комментарий к стихотворению Пушкина «В начале жизни школу помню я».

Новосибирский альманах

На состоявшемся накануне заседании бюро общественной комиссии ССП И. Зобачев рассказал о работе писателя Новосибирска — об их книгах, выпущенных в дни войны, и творческих планах.

Об одной из новосибирских писательских организаций, как парадокс фронтников, говорил в своем выступлении А. Бруштейн. Выступивший затем с обзором четвертой книги альманаха «Сибирские огни» В. Ермилов отметил большую содержательность, полноту и познавательную ценность очерков, напечатанных в альманахе. В очерке С. Маркова «Люди Тихого океана», посвященном отважным путешественникам И. Шеларову, А. Баранову и А. Кашеварову, чувствуется большая самостоятельная исследовательская работа автора. Интересны очерки С. Коженикина, И. Аральева, А. Коптелова.

По мнению В. Ермилова, подлинными участниками обсуждения А. Караваева, М. Никитинича, Ю. Луккина, А. Кариева, Н. Нагорных и др. belletristический раздел альманаха неизмеримо слабее помещенных в нем очерков и статей. Исключение представляет лишь «Детство» — главы из романа Павла Кунцка «Адский остров», отличающиеся необычайной свежестью и поэтическим своеобразием. Читатель не может удовлетворить (за некоторыми исключениями) и стихи, опубликованные в этой книге «Сибирских огней».

Художественная литература о морях в Отечественной войне

Вчера в Московском клубе писателей закончилось большое творческое совещание, посвященное обсуждению художественной литературы о морях в Отечественной войне, организованное военной комиссией ССП и Военно-морским издательством. Совещание продолжалось три дня.

После вступительного слова Н. Тихонова с докладом, посвященным анализу произведений Л. Соболева — «Морская душа», Л. Соловьева — «Иван Никитин — русский матрос», Вс. Вишневского — «У стен Ленинграда» и А. Крона — «Офицер флота», выступил И. Нович.

Доклад вызвал оживленные прения. Выступили В. Соловьев, полковник А. Ярош, Л. Суляев, А. Зонин, генерал-майор П. Мусьяков, А. Виноградов, А. Деман, Л. Длинга, генерал-майор С. Нафта, Л. Успенский, А. Жаров, Я. Черный, В. Школовский, И. Фейнберг, М. Цыган, А. Штейн, С. Алямов, Н. Муковский, И. Гринберг, Л. Соболев и Вс. Вишневский.

С заключительным словом выступил докладчик И. Нович. Совещание закрылось речью Н. Тихонова.

Совещание об одноактной пьесе

Вчера в Московском клубе писателей состоялось совещание драматургов, посвященное одноактной пьесе. Б. Ромашов в своем вступительном слове и участии прений говорил о причинах слабого развития одноактной советской пьесы и создании эстрадного репертуара для профессиональных театров и коллективов художественной самодеятельности.

Выступавшие наметили ряд мер, которые должны стимулировать работу драматургов в области малых форм и способствовать развитию этого жанра.

В обсуждении вопросов поднятых на совещании, приняли участие П. Аллов, Херсонский, Коломеев, Малахова (ВКЖ), Ленц, капитан Яковлев (ЦДКА), Глебов, Волковский, Поликарпов, Винников, Миланов, Герман, Вавилина (журнал «Молодежная эстрада») и др.

СЕССИЯ ПАМЯТИ А. И. ГЕРЦЕНА

Вчера в Государственном литературном музее закончилась сессия, посвященная 75-летию со дня смерти А. И. Герцена.

На заключительном заседании с докладом «Герцен и лига мира и свободы» выступил И. Анциферов. Второй доклад В. Пунинцев был посвящен анализу художественного мастерства Герцена-мемуариста.

В заключение С. Анисимов предложил, чтобы Литературный музей поздравил просо о перенесении праха А. И. Герцена из Франции в Советский Союз.

Я пишу книгу о Сталинграде. Книга, если мне удастся ее написать, будет состоять из трех частей.

За полтора года моей внешней работы первая часть. Сейчас я работаю над второй частью. Работать над книгой мне удается урывками, и я не могу сказать, когда кончу работу. По той причине, что сам этого не знаю.

Сталинградская повесть — не чудо и не счастливая случайность. Сталинград — величайшая закономерность в движении потока истории. Сталинградская победа — результат, равнодействующая сложения многих сил, из коих сила материальная — одна из могучих составляющих. Судьбу Сталинграда решали люди, но и

Сталинград определил судьбы людей и народов.

Мне хочется, чтобы труд мой хоть в какой-то мере был достоин духа, тех людей, характеров о которых и пытаюсь написать. Я хочу, чтобы эта книга дошла в самой малой мере была достойна тех безмиллионных борцов со злом, о которых не должно людям забыть.

Это честолюбие, и быть может, несбыточное желание заставить меня относиться к своей работе с наибольшей серьезностью, на какую я способен.

Вас. ГРОССМАН.

Панас Мирный (К 25-летию со дня смерти)

Имя Панаса Мирного (1868—1929), создавшего историю украинской литературы конца прошлого века, весьма популярно в Украине. Его роман «Хіба ревуть воли, як і сволоты?» (Панасовы воли) до сих пор один из любимых книг украинского читателя. В романе, созданным в 1923—1924 гг., писатель дал, по выражению Ивана Франко, «точну, систематичну історію українського села Лембівської України».

Произведение Панаса Мирного, продолжившее лучшие традиции украинской классики, значительно прежнее всего тем, что развивает основные тенденции украинской литературы. Это произведение, с которой выписана каждая деталь этого романа, выписана в авторе украинская история, украинская психология. История села Писка, характерная для главного героя романа — Шибяка Варвары, большой фантом, все это дано рукой писателя и невольно заставляет задуматься о нынешней истории второй половины XIX в., нынешнего, что деревня после реформы 1861 г. это, по существу, та же дореформенная деревня, где первое крестьянство заменяется новыми формами эксплуатации. Это исторический процесс Панас Мирный изображал в украинской литературе 70—80 годов с беспощадной правдивостью и глубиной. Простота стилистики, типичности «Ильинки» и других рассказов, как только речь заходит об украинской литературе второй половины XIX в.

На богатого литературного наследия Панаса Мирного следует выделить роман «Повісті» («Проституція»), в котором писатель на ином, чем в «Проститутці», материале, изображая жизнь в Украине, показывает, что украинский язык, среди которых наиболее удачным является образ «сумогого» богача Григория Суворина. Подлинная же драма романа — это «Иванки» обостренное изображение Шибяка Варвары, ставящего эту тему в романе Панаса Мирного получила истинно украинскую психологию, истинно украинский белизны конец прошлого века.

Типы украинской семидесятилетней реалистической изображены в повести Мирного «Товариство». Это — одно из первых в украинской литературе произведений, в котором обострено революционных дани полнокровно и живо.

В фантазии «Сон Панаса Мирного» эпохальной революции 1905 г., говорит о счастливых будущем, когда общество победит об украинской индивидуальности человека и о частной собственности.

Творчество Панаса Мирного оставило глубокий след в украинской литературе и оказало большое влияние на украинскую литературу начального периода украинской революции демократа М. Коцюбинского и вплоть до современных советских авторов.

О. СЕВРОВ.

Вечер переводов из Гейне

На вечере, устроенном 25 января Государственной Центральной библиотекой иностранной литературы, В. Левик ознакомил аудиторию со своими переводами из Гейне. В. Левик прочитал несколько глав из сатирических произведений Гейне («Ауденция», «Михель после марта», «Невольничья корабль» и др.), а также лирические стихи из «Книги песен» и предсмертного цикла «Лазарь».

Работы В. Левика — несомненное достижение советского переводческого искусства.

Переводчик с юнгоматром мастерством передает и разную сатиру Гейне и его лирику.

Лучшие фильмы 1944 года

В Московском Доме кино организуется с 12 по 15 февраля дискуссия на тему «Советская художественная кинематография 1944 года». После дискуссии члены Дома кино тайным голосованием присудят премию лучшему кинофильму года и премии за лучшую работу режиссеру, оператору, сценаристу, актеру, актрисе, художнику, композитору, звукооператору.

С 1 по 12 февраля в Доме кино состоится просмотр фильмов, законченных в 1944 году. Кроме кинофильмов, выпущенных на экраны, на дискуссии будут обсуждаться уже принятые Комитетом по делам кинематографии фильмы «Человек № 217», «Червики», «Родные поля», «Дни и ночи», «Поединок», «Нашествие», «Иван Никитин» — русский матрос и «Вперед, Балтика!»

ЗА РУБЕЖОМ

Советские книги в Америке

В США вышел сборник рассказов советских писателей «Ночь летнего солнцестояния», составленный поэтом и критиком Марком Ван Дорном. Рецензент «Чикаго Сан Бук Уик», давая оценку книге, пишет: «Из таких рассказов о героизме «незаметных людей» в Ленинграде, в Петербурге, на Украине и во вражеском тылу сложится легенда замечательного дня. Сборник очень ценен еще и потому, что знакомит нас с нашими безстрастными союзниками».

Рецензент останавливается на рассказе Л. Соболева, К. Симонова, Ванды Василевской и заканчивая статью словами: «Мы знаем Толстого, Стругацкого, Чехова, Достоевского. Пора нам поближе узнать и молодое поколение советских писателей».

Американская пресса уделяет большое внимание книге Василия Гроссмана «Народ беспрестанно», изданной в США под названием «Нет прекрасных ночей».

Писательница Джой Дэвидсон в журнале «Нью Массес» пишет: «Романы масштабная толстовская эпопея требуют далекого отхода от событий, но это отнюдь не значит, что хорошая книга не может быть написана, так сказать, по горячим следам. Именно так написана повесть В. Гроссмана. В этой небольшой книге автору удалось создать немало полноценных персонажей, объединить несколько сложных тем и свести весь разнородный материал к главной теме — внутреннему значению борьбы».

Литературный отдел Всесоюзного радио издал переводы лучших произведений специального цикла «Утопия», посвященного 100-летию со дня рождения писателя. Задача этого цикла, включающего свыше 100 передач — в популярной и интересной форме рассказать радиослушателям о 62 крупнейших русских литераторах XVIII и XIX веков — писателях, поэтах и критиках.

Состоялись уже передачи о Пушкине, Горьком, Чехове, Короленко.

Отрывки из третьей книги «Петр I» А. Толстого было посвящено автору, текст читал народный артист РСФСР А. Абдулов. Следующие главы «Петр I» будут регулярно передаваться по мере их написания.

Именемки на передаче отрывки из книги А. Фадеева «Молодая гвардия», А. Стаханова «Порт-Артур», А. Югова «Бессмертие».

ЗАРУБЕЖНАЯ ПЕЧАТЬ О ТВОРЧЕСТВЕ И. ФЕФЕРА

Американская и английская печать уделяет большое внимание творчеству советского еврейского поэта И. Фефера. Пребывание И. Фефера во время Отечественной войны в Америке и Англии возбудило большой интерес к его поэзии. В США, в Англии и в Латинской Америке появилось множество статей, посвященных как отдельным книгам поэта, так и общей оценке его творчества.

«Ильк Фефер — дитя еврейского народа и сын советской страны с ее великими культурными традициями, прекрасной литературой, героическим настоящим и великими идеалами человеколюбия», — пишет лондонский журнал «Джуни Таймс».

В ближайшем времени в Англии выйдет сборник избранных стихов И. Фефера на английском языке.

СОВЕТСКИЕ КНИГИ ВО ФРАНЦИИ

Во Франции и в Алжире вышла книга Ильи Эренбурга «Падение Парижа». Как сообщает ВОКС, французскими издательствами приняты также к печати следующие произведения:

Биография В. И. Ленина (ИМЭЛ), И. Эренбург — «Сто писем», Н. Гихонен — «Ленинград», Б. Горбатов — «Непокоренный», К. Симонов — «Дни и ночи», Ванда Василевская — «Радуга», Н. Островский — «Рожденные бурей», А. Толстой — «Хлеб», А. Поляков — «В тылу врага», И. Ильф и Е. Петров — «Одноэтажная Америка», Н. Емельянова — «Июль», Л. Соловьев — «Иван Никитин — русский матрос», академик А. Ферман — «Естественнознание в Советском Союзе».

НОВЫЕ КНИГИ

Константины Гамсухурия «Девяти векового мастера», исторический роман, вышел в переводе с грузинского Фатимы Талывадзе.

«В гущу истории» — повесть В. Давидсона, повести «Ветхая кровь» — книга рассказов и очерков В. Давидсона; «Литературная жизнь», «Кавказ», «Ветхая кровь», «Степь истории» и др.

«Дорогами победы» — книга очерков об Отечественной войне, составленная И. Ильфом и Е. Петровым. «Видное море» — повесть И. Ильфа и Е. Петрова.

«Детские» — сборник рассказов В. Давидсона, «Степь истории» — повесть В. Давидсона.

«В гущу истории» — повесть В. Давидсона, «Литературная жизнь», «Кавказ», «Ветхая кровь», «Степь истории» и др.

«Дорогами победы» — книга очерков об Отечественной войне, составленная И. Ильфом и Е. Петровым. «Видное море» — повесть И. Ильфа и Е. Петрова.

ВЫСТАВКИ СОВЕТСКИХ ИЗДАНИЙ

В крупнейших публичных библиотеках Англии, в Оксфорде, Бристемме, Манчестере, Эдинбурге и т. д. устраиваются выставки русских книг. Выставка обычно бывает открыта две недели, и затем ее экспонаты отправляются в другой город.

«Литературное приложение» к газете «Таймс» среди экспонатов в первую очередь отмечает «Слово о полку Игореве» с иллюстрациями Ивана Голыкова, Альбом старинной русской архитектуры и «Письма к Лью Тостому».

Большой интерес у посетителей вызывают: «Детство» Горького, «Детство Никиты» А. Толстого.

Обложка аргентинского издания книги К. Осипова «Суворов».

ЛЕКЦИЯ О ПУШКИНЕ В ИРАНЕ

ТЕГЕРАН, 2 февраля. (ТАСС). В Тегеране состоялось собрание литературной секции Иранского Общества культурной связи с СССР, на котором профессор Хекмат прочел лекцию о жизни и творчестве Пушкина.

Возобновление оперы «Иван Сусанин»

В Большом театре СССР возобновлена постановка оперы «Иван Сусанин». Для этой постановки С. Городецкий вновь переработал либретто. Новое либретто глубже выражает и эпическую природу оперы, о которой сам Глинка говорил, что это — опера «отечественная, героико-трагическая».

Постановка «Ивана Сусанина» осуществлена режиссером Л. Баратовым, художником сцены — П. Вильямом. Музыкальный руководитель — Владимир и дирижер — А. Пазовский.

Вера КЕТЛИНСКАЯ

ЭТО И ЕСТЬ ЛЕНИНГРАД!

Это было в декабре 1943 года, и я шла по редакционному заданию в Архитектурное управление Ленсовета. Первый снаряд — всегда самый пугающий — просвистел над головой, второй застрял в стену дома и обрызгал улицу кусками стекла, кирпича и штукатурки. Начался очередной обстрел, и дальше я шла, как полагается, перебегаю от дома к дому в промежутки между разрывами. В 1943 году ленинградцы уже научились не рисковать зря.

Десять минут спустя, в кабинете главного архитектора города т. Баранова мы рассматривали генеральный план города, чертежи домов, проекты реконструкции целых улиц и площадей.

— Вот здесь будет центральный городской парк, он украсит центр и улучшит оздоровит воздух... Вот здесь, на месте разбомбленных домов, будет площадь с памятником бою МПВО... Эти две площади соединятся в одну, увенчанную аркой Победы... Суворовский проспект должен превратиться в одну из основных магистралей города, мы его выравниваем, даем ему выход на Невский за вокзалом (тут как раз разрушенный дом), переносим и сезд с Охтенского моста... Вторая магистраль, которая будет приобретать все большее значение в связи с развитием южных районов города, — это Международный проспект, вот проект его реконструкции и украшения...

Вот так и все в Ленинграде. Городский пейзаж быстро меняется, все время в нем следов войны. Сотни домов, сотни тысяч кв. метров жилой площади вновь заселены ленинградцами. Но все мы знаем, что эти темпы для нас недосягаемы. Новый сезон будет богаче успехами. Покинутые сейчас строительством специальности: они организуют пионерский клуб для миллионов восстановителей. Ленинград будет восстановлен быстрее клубы и павильоны. Осенью были высажены деревья и кусты. В будущем лето будут выстроены павильоны — танцевальные, эстрадный, выставочный и другие.

Вера КЕТЛИНСКАЯ

Вера к победу у ленинградцев была непоколебима и самые тяжкие дни. Это не был боеутолюющий вырвал для наших душ. Это было свойство очень сильных душ и очень пронзительного сознания. С первого и до последнего дня нашей борьбы вера в победу была активна, направляла поступки, наполняла в дела. С нею дружили МПВО, после ликвидации последствий очередного обстрела, шли изучать профессии штукатуров и водопроводчиков. С нею студенты вечерних институтов по ночам зубрили высшую математику и сопротивлялись материалам, уверяющие, что эти знания им скоро понадобятся. Без этой активной веры не могла быть выпущена в осажденном городе текстильная машина усовершенствованной конструкции.

ВЕСЬ ПУТЬ ЗАВОДСКОГО КОЛЛЕКТИВА ЗА ГОДЫ ВОЙНЫ

Весь путь заводского коллектива за годы войны — от кустарной «электро-станции», созданной руками умирающих людей, до сегодняшнего тяжелого станко-строения — это как бы ступок ленинградской жизнеспособности, мужества и привычки к перелому, не знающему преград, — широкое и дальнее горизонтальное, усложненное задание — восстановление страны и подготовка кадров — в промышленности, в образовании, в науке, в искусстве, в культуре и в спорте — это путь, который мы прошли и который мы должны пройти и в будущем.

В НЕСКОЛЬКО СТРОК

31-е собрание секции художественно-эпического жанра, которое состоится в феврале, посвящается 100-летию со дня рождения писателя. В обсуждении примут участие: Л. Гроссман, М. Морозов, И. Новиков, В. Петров, В. Соболев и другие.

Директор завода Шукуровского заканчивая перевод «Горе от ума» на картриджный язык. В ближайшее время пьеса будет поставлена в театральном театре государственного театра в городе Фрунзе.

Сборник народных талантов Таджикистана в переводе на русский язык подготовлен к изданию Таджикским институтом истории, литературы и языка. В составлении участвовали кандидаты филологических наук Н. Музаев, М. Сидиков и другие.

Выставка русских книг, вышедших на время Великой отечественной войны, устроена в Библиотеке-читальне Центральной библиотеки Афонской ССР Таллинне. Выставка привлекает большое внимание эстонской интеллигенции.

Старет великого поэта Фредрика писал художник Ю. Калмичев, работавший в течение долгих лет над темами культуры Таджикистана.

Литературный конкурс на лучший очерк об учреждении-ордене со званием ленинским областным отделом народного образования и редакцией «Литературной газеты» в Ленинграде. Для участников конкурса установленный три премии: первая — 3000 руб; вторая — 2000 руб; и третья — 1000 руб.

Учреждения культуры и искусства в городе «Сталинские знамя» и выпущены отдельными сборниками.

Медалью «За победу на Кавказе» награждены следующие писатели: С. Чаковский, И. Ашшадзе, Г. Леонидзе, А. Машавиани, Г. Гвазде, К. Лордцианидзе, К. Кавладзе, С. Тавладзе, И. Кучушвили, Б. Асатриани, Т. Пентегия, Г. Мивания, Ш. Далания, В. Дженти, Б. Сербриков, И. Андрияшвили, В. Дарасиани, Р. Марчакши, И. Нопештани, И. Мосалиани.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Приниму сердечную благодарность всем членам редакционной коллегии за отзывчивость, поправками, товарищам по работе и друзьям, подарившим меня с высокой правдивостью и патриотизмом в день моего пятидесятилетия.

Художник Николай ИЛЬЧЕНКО

Редакционная коллегия: Б. ГОРБАТОВ, Е. КОВАЛЬЧИК, В. КОЖЕВНИКОВ, С. МОРШЕК, Д. ПОЛКАРПОВ, Л. САРШАК, А. СУРКОВ (отв. редактор).